

Евгений Хайрулин

ЗАПИСКИ БРОДЯЧЕГО МУЗЫКАНТА

Жизнь
в наблюдениях,
удивительных
событиях и анекдотах

Евгений Хайрулин

Записки бродячего музыканта

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Хайрулин Е. М.

Записки бродячего музыканта / Е. М. Хайрулин —
«ЛитРес: Самиздат», 2014

Он знает, что в мире есть место, где его ждут... Есть место, где отдыхает душа. Путешествуя вдали от своей родины, он всегда связан с ней музыкой. Музыка рождается в душе и зовёт его туда, где ждут... Музыка и любовь - две великие вещи. Жизнь без них была бы трагической ошибкой...

Серж АваддонСодержит нецензурную брань.

Мы

Сидели вчетвером у меня дома на кухне. Дело было вечером, точнее, зимой. Выпивали, закусывали: сальцо, квашеная капуста, соответствующие напитки. Сидели, неспешно разговаривали, смеялись. Давно не виделись – мотаемся по всему белу свету. Сашка Кельтербаум, он же Баранчик, вчера вернулся из Ирландии. Полгода работал в пабе – грязном, заплеванном, с мокрыми опилками на полу. Он пел песни. Английские, русские и цыганские. Вообще-то Санька – этнический латыш, но языков знает много и разных, даже цыганский. Я приехал из Берлина, где тревожил своим саксофоном сентиментальные немецкие души. Почти пятнадцать лет топчу альтштадты германских городов. В Берлине уже десять лет. Славный город. Мне в нём уютно, как дома. Третий – Волда-Брамс. Кто-то удумал ему этот композиторский псевдоним. На самом деле он – Волдемар Озолиньш, весёлый, заводной парень. Особенно он любил веселиться при советской власти. Тогда всем было весело! Тогда даже туалетная бумага была с веселыми жизнерадостными названиями – «Труд», «Правда» и т.д. Сплошной пафос! Да и ведро водки в те страшные, чёрные времена стоило дешевле, чем сейчас пачка сигарет. Брамс приходил к нам в ресторан вдвоём с другом, Андреем Заводиловым. Они приходили поплясать. Одевались в эковские телогрейки, болотные сапоги и вусмерть бухие танцевали в центре зала. Исполняя фигурные па, плясуны низко наклонялись, стараясь задеть затылком пол, и громко топотали сапожищами, выколачивая барабанное соло в такт музыке. Администратор ресторана, отставной майор Виктор Андреевич, обливаясь слезами, умолял балетную пару покинуть паркет. Те в ответ радостно ржали. Андрея позже убили. Брамс, слава богу, жив-здоров. Ненавистная советская власть закончилась, в Латвию пришла долгожданная свобода, а вместе с ней – демократия и беспросветная нужда. Стало не до плясок. Водка, закуска и резиновые сапоги сильно подорожали. Брамс не сдался независимости. Он отдал за долги свою 3-комнатную квартиру и начал вкалывать. Талантов ему бог дал значительно больше, чем другим. Волда чинит автомобили – от жестянки до электроники, сочиняет песни, придумывает модные аранжировки. Добрался до русских романсов и переделал их для своей коллежанки Татьяны под нынешнюю попсу – весьма деликатно, со всей глубиной и нежностью своей печальной латышской души.

Балагур! В Германии его, вдребезги пьяного, брали с автобана немецкие полицейские. Они гонялись за ним на вертолёт, потому что не смогли догнать на «Мерседесе». А чем ещё возмёшь «Жигули ВАЗ-2101», если не вертолётом?! За эту проделку Брамс заработал депортацию и пять лет невыезда в ФРГ.

Волдемар – он старый Шумахер! Его папаша в начале конца первой половины минувшего столетия прикупил автомобиль «Москвич-403». Он был весьма бережлив и ездил только по воскресеньям. Брамс повадился открывать гараж гвоздём. Девчонки и мальчишки садились на замасленный диван, лакали досыта «Волжское крепкое». Пацаны тискали девчонкам титьки, а потом ехали кататься. Конечно, без прав, потому что годков ему, Волдыньке, было всего ничего – каких-то 15-16. Папаша был дико интеллигентный человек – профессор университета, философ. Он очень любил сына, поэтому воспитывал его весьма душевно. Говорил: дескать, нельзя так делать, сынок! И при этом нещадно порол. А сынок всё равно так делал! Тогда профессор скрутил с руля большую гайку, спрятал его под диван, а гайку занёс домой. Но Брамс нашёл баранку! И снова киял с чувихами, прилаживал руль без гайки и продолжал гонять по окрестностям. Разгонял бедный «Москвич» до 100 км в час, снимал баранку и отдавал сзади сидящему:

– Хочешь порулить?

У пассажиров начиналась диарея, у водителя – приступ судорожного веселья. А «Москвич» летел себе по прямой без руля, на шальной скорости... Вот смеху-то было!

А ещё Волдемар Озолиньш на дух не переносил полицейских. Никаких. Ни немецких, ни советских, ни шведских. А особенно не терпел латвийских. Немецких – за то, что быстро на вертолётках летают, шведских – за то, что смеялись над бедными латвийскими артистами. Когда туристический пароход «Рига-Стокгольм» прибывался к берегу, случалась обязательная в такой момент проверка документов. По исходу пассажиров вслед уныло шагали весёлые музыканты. За пазухой и в футлярах они тащили сигареты. На продажу. Подавали паспорт. Красномордый смотритель бумаг растягивал рот до ушей и кричал коллегам-ментам по-шведски:

– Хлопцы! Ходи сюда быстро! Посмеёмся! Дывись, якие потешные латышки приплыли: Янсон, Карлсон и какой-то Озолиньш к ним затесался!

Коллеги радостно хохотали нечеловеческими голосами, вытряхивали весь товар в специальный ящик, а барыгам устраивали международный скандал и загоняли их обратно на пароход.

С молодой деревенщиной, то бишь с латвийскими полицейскими, Брамс обходился куда проще, без церемониев. Напитый до усрачки водкой, он садился пассажиром в японский автомобиль своего друга – Генки Плюшкина. А у япошек вечно всё не по-людски: руль с шофёром – справа, пьяный пассажир – слева! Происходит такая печальная ситуация: увидав в авто пьяную рожу, крадучись, подбираются менты. Брамс сидит, ковыряет в носу, охает, кашляет, грызёт ногти, швыряет, чавкает и рыгает. Смотрит тусклым взглядом и ласково огрызается на крики и истерики полицейских, на их просьбу сейчас же отдать права! После нервного ментовского шума и почти мордобоя горбатенький музыкант с подлой улыбкой выползал слева, оставляя трезвого шофёра на месте – справа, и совал им в нос водительские права:

– На!!! На!!!

– У-у-у, мать-перемать... – рычали представители правопорядка и с позором уходили. А господин Озолиньш испытывал очередной приступ хамского торжества и гадкой радости...

Совсем недавно наш друг вернулся из круиза. Туристический лайнер опять загнали в долги, компанию объявили банкротом, а деньги спрятали. Зарплату музыкантам, конечно, не заплатили. Хозяева любят дурить музыкантов – хобби у них такое. О! Музыкант!.. Взяли – и обдурили! А уже после нас дурят всех остальных.

Я тоже однажды выручал свои инструменты аж из самого Питера. Приходим в порт – парохода нет!

– Его в Стокгольме за долги арестовали! Промотали судно. – Этой новостью нас оголошили совсем не моряцкое начальство, а нелегальные портовые таксисты-бомбилы.

Арендованный во Владивостоке теплоход «Русь» перегнали на ремонт в Питер. С ним вместе, в гримёрке, уплыли наши костюмы и инструменты. Спасибо питерскому спекулянту Славке Воробьёву – он выручил наше имущество.

Напротив сидит и косит лиловым глазом наш друг Юрис Пашкевич – Юрка Алхимик. Начинал он неплохо. Не ахти как шумно, но заметно. Поначалу юный семиклассник, участник кружка художественной самодеятельности Клуба железнодорожников, резал с гитарных проводов штекера-пятёрочки. Это такие маленькие металлические пупсики с пятью ножками, их втыкают в усилитель. Эти маленькие штучки молодой и талантливый гитарист Юрик перепродавал коллегам по кружку. Цена – один рубль. Деньги мгновенно исчезали в дощатом грязном буфете через дорогу. Бормотуха «Волжское крепкое» стоила как раз 1 р. 07 коп. Почти один штекер. Когда Юрик проглатывал пару бутылок, на его милом мальчишеском лице появлялась кривая усмешка, а глаза сходились в кучу, к переносице, и нежно смотрели друг на друга. За это он поимел прозвище Юрка Кривой. Школьник незаметно мужал, вырослел, учился жить, и юное дарование переименовали в Юрку-Алхимика.

За то, что начал хитрить, крутить-вертеть – короче говоря, химичить. Он уже вырос и как-то незаметно, постепенно превратился в пьяницу и арапа. Поступил в музыкальное училище – выгнали, воспитанником в военный оркестр – выгнали, в спортклуб «Локомотив» заниматься мотогонками – выгнали. Из нашей родной эстрадно-концертной конторы его выгнали раз пятнадцать.

В шестнадцатый раз его уволили за драку. За драку с негром. Откуда у нас, в Латвии, появились негры? Это был Роланд Водд, наш, советский негр. Он пел в оркестре Александра Тролла.

Кривой к тому времени вырос в классного исполнителя на ударных инструментах и пел, мерзавец, красиво! Высоким звонким тенором. Он пел лучше, чем заезжий негр, поэтому брал призы на всяких конкурсах.

Проведя ночь в вытрезвителе и отмотав 15 суток, драчун-барабанщик на всех обиделся и в знак протеста уехал в Тульскую филармонию.

Гастроли закончились, вернулся. Но не один – привёз с собой поющего бас-гитариста Валерку Попереченко. Украинца, родом из славного города Гуляй-поле, столицы анархиста батьки Нестора Петровича Махно. Валерка начал играть в нашем ансамбле, за это мы его надрессировали петь по-латышски.

. – Мэнесс хайсма-а-а, – старательно выводил он с хохляцким «гэ».

Гордый и сдержанный латгальский народ стонал от такой наглости и удовольствия.

Валерка остался в команде надолго, невзирая на свой махновский диалект, а Юрку я снова прогнал.

Но каким, гад, был барабанщиком, этот безалаберный Алхимик! Музыку играл на своих «Амати» – песня по-другому звучала, когда он садился за свои горшки и железки ...

Сейчас поёт под минуса в кафе «Таверна», именуемом в простонародье «Шалман». Жуткая забегаловка с пьяными сиськастыми шалавами. А ещё – строгают мебель на заказ. Хорошую, модную, дорогую мебель – дуб, ясень, лак, мат. Но денег всё равно нет: месяц строгают, два киряет.

Так и сидим потихоньку вчетвером. Компания небольшая, но вполне приличная. Видимся редко – раскидало всех, разбросало. А увидимся – хорошо, весело! Смеемся, вспоминаем лабушские фокусы и похождения. Чего же не смеяться? Жили дружно, прикольно. Юрка заговорил про деревенский клуб, в котором мне сподобилось директорствовать. Недалеко от города. Поэтому городские приезжали к нам на танцы. Назад домой они шли ночью пешком, 12км. Алхимик был не ходок – он оставался ночевать в мастерской художника. Он много пил и часто сплетался с поклонницами в экстазе деревенской страсти. В основном это были сытые, жопастые и твёрденькие специалистки по овощеводству и совсем ещё глупенькие молоденькие доярочки. Последним прямо из объятий юного барабанщика приходилось бежать на работу, часа в 4 утра. На утреннюю дойку животных.

Но была одна красавица – совсем другой экземпляра. Это была девушка грамотная, образованная. Она работала бухгалтером. Девушка трезвая, рассудительная и очень ...ливая. Эту интеллигентную даму звали Люда Матвеева. Исключительно энергичная, темпераментная и ненасытная особа. Крестьянская молодежь собиралась после танцев под окнами клуба посмеяться и послушать её душевные, сладострастные возгласы. Широко распахнув свои крепкие деревенские ножки, Людка кричала всегда одно и то же:

– Мама, мама! Ой, Юрис! Ой, Юрис! Ой, мама!.. – Только имена иногда путала.

Укрывались возлюбленные огромным бархатным покрывалом алого цвета. Им накрывали гробы, когда ставили в клубе покойников. На ночь жмуриков заносили в художественную мастерскую, чтобы они в одиночестве не скучали в большом зрительном зале. А утром усопших возвращали обратно, на всеобщее обозрение скорбящих. За это мастерню звали

«покойницкая». В данной местности было модно вешаться и стреляться. Не знаю, почему, но работы в этом плане хватало.

Вспомнили, посмеялись, выпили-закусили... Годы пролетели быстро, мы как-то одновременно повзрослели. Уже перевалило за полтинник – а всё как дети. Смешно, что мы не понимаем своей взрослости, пока не глянем в зеркало.

– Кто это? А... так это я! Седой... Глаза грустные, как у бассета. Хорохоримся!.. Это хорошо...

«Das Leben ist ein Kinderhemd – kurz und beschissen», – так говорят немцы. По-нашему это звучит примерно так: «Жизнь – как детская рубашка: коротка и обкакана». Где-то так примерно.

– Жень! Надо всё это записать, потом книжку издадим.

– Зачем? Кому это интересно? Кто о нас вспомнит?

Мы – обыкновенные работяги от музыки. Больших музыкантов мало, поклонники знают о них всё, журналисты придумывают всякие истории – хорошие и очень хорошие. Они на виду. Шумят, машут руками, рассказывают по телеку небылицы, то и дело громко хохочут и много выпивают. Ради потехи блистательные артисты убивают своих отцов, женятся на матерях, стоят возвышенно-мохнорылые на пьедестале, а также соревнуются между собой. Вульгарно разменивают себя на дешёвку, выворачивают наизнанку личную жизнь – кто отдал больше алиментов бывшей жене, у кого моложе муж и толще бёдра. И выглядят, в основном, как подкрашенные покойники. Они жалуются трескучими голосами, врут, как сивые мерины и сплетничают. Хотя в наше время, когда всякое скотство и мерзость называется свободой и демократией, это вызывает всеобщую зависть и восхищение у телесмотрящих. Но их мало, больших артистов – каких-то 3-4%.

Остальные артисты – они с мозолистыми руками. Их пастбище – концерты в маленьких городках, кабаки, танцплощадки, свадьбы и похороны. Кто нас знает, кто нас вспомнит? Иногда вспоминают мельком – мол, есть такие! В кинофильме «Старший сын» Н.П.Караченцов утешает Е.П.Леонова:

– Не грусти, папаша, где же ещё быть музыканту, если не на свадьбе или похоронах! И в печали и в радости!

Нет, стоп!.. Гарик Кричевский! Низкий поклон тебе от всех нас, дорогой друг!

– А в кабаках товарищи мои гостям играют песни надоевшие....

Вот, пожалуй, и всё упоминание о нашем огромном племени бродяг-музыкантов. Есть, правда, ещё одна орава исполнителей. Они называются «звёзды». Их пачками клепают на «фабрике», раздевают и заставляют за деньги голыми бегать по сцене. При этом они издают звуки под аккомпанемент фанеры, а из фанеры, как известно, слов не выкинешь. Стараются изо всей мочи! Даже при записи своих дисков эти исполнители поют под фонограмму, утомляя наш слух, наш ум и даже зрение. Они изображают из себя «нечто», негодуют, топают ножкой, летают только бизнес-классом и указывают в райдере цвет туалетной бумаги. Вертятся, как белка в колесе. У них всё хорошо! Только непонятно, кто кого вертит: то ли они – колесо, то ли колесо – их. Это шоу-бизнес, художественная самодеятельность. Способ продвижения непрофессионалов. За дурные деньги. Крепко настукавшись лбом, они исчезают, растворяются. Наступает климакс музыкальных желаний. Когда смотрельщики телевизоров ими наедятся, звёзд выбрасывают на помойку, а фабрика месит тесто дальше – следующую партию на поедание. Невкусно? Но едят! Хотя на этой фабрике больше отходов, чем продукта. Телепопса так быстро шагает вперёд, что музыканты за ней просто не поспевают, а из телека валит и терзает наши головы поносно-жизнерадостный позитив.

Ребята! Звёзды! Кончайте «звиздеть»! Лучше один раз жизни посмотрите, как выступают артисты Берлинского «Фридрихштадт- паласта». Они всё делают по-настоящему: отдают душу, поют сердцем, от них идёт мощная энергия. Даже балетные девочки «поют»

своими очаровательными ножками! Никакой фальши, всё предельно искренне. И в основе всего – труд. Ежедневный, много-много лет. Мозоли на сердце, репетиции в балетном классе до «цыганского пота» – и заслуженные зрительские овации.

Один мудрый достаточно пожилой человек как-то поинтересовался:

– А что, Вовка Соляков – это хороший музыкант?

На что я ответил:

– Если Вовка неустанно, двое суток отбубенит здесь, в Латгалии, на деревенской свадьбе, где гуляют сплошные дремучие бородатые староверы, и ему за это не дадут по морде или сапогами по почкам – это очень здорово! Это – головокружительный успех! А уж когда отсыпят денег и насуют в футляр водки с закуской – тогда он считается очень хорошим музыкантом!

Больших артистов критикуют профессионалы, и за большие деньги. Нас – наши слушатели. Они нам платят деньги. Или не платят.

Отчаянно, безумно люблю и уважаю свою работу. Честное ремесло – никого нельзя подвести или обмануть. Всё может быть хорошо или не очень. Но не надо суетиться, лезть в душу, стучать лысиной по паркету. Всё должно быть искренне, нефальшиво. В нашем деле нельзя ничего переделать или клеить отмазки.

– Сыграйте, пожалуйста, вальс «Истраченный покой».

– Ой! Я забыл дома ноты!

Играй или быстро смывайся – иначе нарвёшься! Тотчас получишь по голове. Тут же, на месте, в ресторане или на свадьбе. Бац – и вылетаешь, а вслед – твои гармошки и саксофоны! Идёшь домой поддатый, но избитый. Народ на светских тусовках безбоязненный и откровенный. Хмельной народ – решительный. Начхать ему на твои ноты!

Другим специалистам всё можно! Хирург может, если что, скажем, ещё раз отхватить руки-ноги или, наоборот, пришить. Опять же, токарь: запорол железку – в мусорник! Своровал новую заготовку – сделал другую деталь! А у нас? Что дунул – то услышали люди. Назад не вернёшь. А уж свадьбы!.. У нормальных супругов свадьба бывает раз в жизни. Тут выкладываемся до конца! Плеснул в топку стакан водки, доел тарелку до конца – и вперёд! Потеем, упираемся, рот не закрываем! Почти тридцать лет здороваюсь с семейной парой, а недавно играл на свадьбе их сына. Приятно? Да! Это дивиденды от моего труда.

Недавно Алхимик оформлял золотой юбилей. Доченька «молодожёнов», пятидесятилетняя расплывшаяся тётка, вертелась перед ним по-всякому и заламывала руки. Тридцать лет назад дама отвергла поползновения молодого и красивого музыканта. И через много лет Юрис отомстил. Жестоко и цинично. Он утащил с собой её дочку. Девушки! Будьте бдительны! Не теряйте того, чего не воротишь назад. Молодость не бесконечна!

...Что-то пишу... Что получится – не знаю. Сейчас все пишут – артисты, коммунисты, социки, нацики, воры, менты. Товарищ Горбачёв тоже пишет. Даже песни запел под аккомпанемент известного музыканта. Хотя давно бы мог за все свои проделки если не в монастырь уйти, так хотя бы застрелиться. Нет! Душа просит песен. Весело ребятам. И поп-звезда – туда же. Холуйствует помаленьку... А ведь считался своим парнем, мы его песни в подворотнях пели...

Я не вхожу в эти номинации. Я – работяга. И эти записки – про нас, работящих, немного наивных, очень доверчивых ребят. Пишу по-честному, как есть. Ведь в музыке что самое главное?

Первое – быть честным.

Второе – вовремя разделить деньги.

ОТСТУПЛЕНИЕ.

В толстых книгах есть главы, разделы, прологи и эпилоги. Я назову их по-своему. К примеру «Европа», «Мы» или ещё как-нибудь. Вспомню музыкантские байки и хохмочки.

Занимаясь на улице музыкальным делом, надолго остаёшься наедине с самим собой. Идут... идут... идут люди! Играю час... два... пять. Немыслимое количество людей постепенно сливается в один безудержный поток. Останавливаются. Слушают, смотрят оценивающим взглядом. Многих цепляет музыка. Чувствую: зашевелились, зашелестели души!

Другие ползут безумно-безразличные. Наигрываю старенький мотивчик. Нравится!.. Опять обступили, подпевают. Любопытствуют:

– Кто ты? Что ты? Откуда? Зачем?..

Тысяч пять за день пройдёт мимо. Вот нагладишься! Безумно интересно! Играю в одиночку, долго... Намузицируюсь – вдоволь! Думаю – до изнеможения. Важно, чтобы думы были не злые, не обидные. Публика всё чувствует, даже мои нелепые меланхолические мысли. Люди – те же, что и в концертных залах, только вместо билета – оплата в футляр. Иногда залезаю к ним в души с остервенением, в другой раз – затаив дыхание, с лирическим спокойствием. Наблюдаю. Буду называть наблюдения – мысли из меня. Начну описывать любопытные встречи и разные винтообразные лабушские шутки. А ещё – европейский народ, их жизнь. Хорошая, кстати, жизнь, сытая и довольно скучная. Сытая смерть, как говорит гитарист Коля Явир.

...Много интересного остаётся в моей замороченной голове!

ЕВРОПА. МЫ.

Славные они люди, берлинцы! Во-первых, безумно любят музыку. Во-вторых, отчаянно вежливы и любопытны. Представьте: колоннада возле магазина «Dussmann». Роскошное место для нас, погружённых в свои мысли музыкантов. Здесь всё шикарно – здания, витрины, книги, CD-диски и охранник с картонкой на груди. Это мистер Райс, сын американского военного лётчика-оккупанта. Он окончил немецкую школу и говорит с прикольным американским акцентом – как будто ему язык укоротили. Потрясающе добрый, юморной и приветливый дядька.

Народу тут... – всякого! Прежде всего – «пиджаки». Это бредущие с работы чиновники в белых рубашках.левой рукой они тянут телеги с бумагами и компьютером. Во рту – папиросы, в правой руке – мобильник. Мобильник – это всемирная эпидемия, хвороба человеческая. Каждый второй берлинец если не говорит на ходу, так пальцем тычет в цифры. А вот, смотрите, идут наши дорогие бабульки – самые душевные, самые щедрые создания на свете. И, к слову, самые платежеспособные.

– От tych бабтей наше жиче залеже! – заявил как-то поляк Дарек. Это он о том, что наша жизнь зависит от этих старушек. Святая правда! А вот семят вкрадчивыми шагами гомосексуалисты с грустными собачьими глазами. С каждым днём их становится всё больше и больше. Почему?..

Светоч гомосексуализма всея Германии, херр Воверайт – большой придумщик. Он работает бургомистром Берлина и потому вознамерился объявить город столицей горячей, неистребимой и неземной однополой любви. Он сам, лично, открывал на Aleksanderplatz подземную уборную. Специализированную, сделанную для этих беспокойных пацанов. Чтобы они там, в уборной, знакомились и всё такое. Бургомистр перерезал семицветную ленту, а также сказал речь для способствования этому славному делу. Будучи человеком творческим, градоначальник Вови обожает собирать в Берлине гей-парады. Мальчишки, девчонки, большие разноцветные дяденьки и тётеньки, предварительно шырнувшись, нюхнув или подкурив анаши, под громкую музыку ездят на платформах грузовиков или идут, вприпрыжку, сзади. Кто с кем! Дама с дамой целуются, парень с парнем обнимаются, шарят друг у друга в штанах, что-то ищут... Кто с собакой, кто с любимой козой! Показывают в брючные прорехи свои интимные места, обе половинки! Пляшут под музыку, ослабившись. Дня три напропалую по всему Берлину шароёбятся. Радостно!

Молодёжь в столице какая-то неинтересная. Небрежно одетые, в серых майках и стоптанных кроссовках. Девчонки – всё больше криволапенькие, угловатые, везде торчат косточки. И бутылка в руке – пиво или пепси. Молодое поколение выбрало, наконец-то! Многие на великах. Всезнайки-журналисты пишут, что, гарцуя на велосипедах, Европа бережёт здоровье. Глупости! Они берегут деньги. Месячный проездной на все виды транспорта стоит более семидесяти евро. Перекиньте сумму на общепонятный водочный эквивалент – получается примерно пятнадцать бутылок. Дороговато.

Или, к примеру, подъезжает на велосипеде молодая, невзрачная особа. Слезает, снимает и складывает в рюкзак куртку, стягивает с шеи коровью цепь, пристегивает велик, чтобы не спёрли – и в магазин. Любопытно, а что у неё в рюкзаке? Бутерброды, одежда на случай непогоды, питьё, пачка табаку. В Германии мало кто курит сигареты – дорого. Всё больше самокрутки крутят, как у нас во времена Гражданской войны. Молодые девчонки тоже мусолят, тоже бумажки вертят. И в рюкзаке у них нет ничего лишнего, типа косметики, расчёски и прочей дамской дребедени.

Примерно через час дамочка выходит с книгой в руке, улыбается, кладёт в футляр денежку. Отстегнулась – поехала... Пишу это не с иронией. Это наблюдение или сравнение. Как мы жили тут и там, как сейчас живём. Какие мы похожие или разные. Это страшно интересно, особенно когда видно то, что недоступно другим.

ЕВРОПА! ЕВРОПА!

...Кого только ни встретишь на её гладких улицах. Артисты – со всего света. Хорошие и плохие, наглые и перепуганные на всю оставшуюся жизнь. Поют, играют, пляшут, скачут, кувыркаются. Бренчат в балалайки, визжат цыганско-молдавскими скрипками. Крутят рычаги шарманок. Шарманщики – это самый вредный и мутный народ, как правило, аборигены, германцы. Это главные игроки на улице – жалостливо-сиротским звуком своих коробок они наматывают нервы окружающих на шарманочные рычаги. Вреднее этих «пап Карло» только шотландцы в клетчатых юбках с гнусавыми дудочками и бурдюком под мышкой. Это волынщики. Вот где неутомимые! Гудят... гудят обиженно-хлипким звуком... Народ на километр в округе сходит с ума, бьется-колотится об асфальт – а им, пастухам несчастным, всё нипочём! Они сами себе голова.

Но хватит о грустном.

Давайте о наших.

ПОЛТАВСКИЕ.

Далеко в Украине, на просторах нашей бывшей необъятной родины, раскинулся чудный город Полтава. Он расположился на крутых берегах реки Ворсклы. Чем же знаменит этот прекрасный город? Давным-давно наши расколошматили в этой местности шведское войско во главе с их королем Карлом № 12. А ещё знаменит этот город своими грандиозными музыкантами. За это Полтава заработала прозвище города-спутника Берлина. Их тут столько, полтавских!.. Почему их так много?

Случилось, кто-то из полтавских поехал в Берлин, поиграл, намузицировал денег и вернулся домой. Народ заинтересовался:

– Ну как там?

Не по годам припонтованный артист сидит, кряет и надувает щёки:

– Чуваки!.. Вы здесь сидите, гниёте в своих сраных кабаках, а я в Берлине... такие башли, мля...

При этом он продолжает потчевать всех окружающих водкой и швырять деньги по сторонам. Понты, дело известное, дороже денег! Народ завидует, чмокает губами и кивает головами. Затем, в отчаянии, хватает свои балалайки и тоже, сломя голову, мчится в Берлин. Пропившийся охламон через неделю летит вслед. Поздно! В Берлине уже пол-Полтавы!

...Вспоминаете Жванецкого – шутку про пять золотых кирпичей?

– Я нашёл пять кирпичей! Я нашёл пять золотых кирпичей!

– Дурак! Нашёл – молчи! Тёще – зубы, себе – зубы. Остальное спрятал, по кусочку на жизнь отпиливай!..

...Марк, Коля-большой, Коля-маленький, Журавель, Полковник, Чиполлино (этот очень любит сырой лук. Живьём. Хрумкает его, как яблоки, по две головки с одним бутербродом. Потом от него смердит, как из клоаки).

А ещё Саша Белых, Феля, Малыш, Карлош. Поначалу я думал, что это кликуха в честь стокгольмского героя мультфильма. Нет! Это настоящая фамилия. Так и играют вдвоём – Малыш и Карлош, которые живут в Полтаве. А Венька Гронштейн сменил фамилию! Красивый пятидесятилетний еврей, баянист. Удивительно милый и приветливый мужичок. Тоже мне! Играл бы, как все приличные евреи, на скрипке или, на худой конец, на виолончели. Не-е-е!.. Подавай ему гармошку! Теперь ещё и фамилию сменил – теперь он Вениамин, мля, Братанов! Веня Братанов, в натуре! Еврей с гармошкой.

Очень интересен творческий дуэт – толстозадая пианистка Марина с хутора близ Диканьки и её подруга Танюшка из города Одессы. Танюшка всю жизнь сидит в канаве оперного театра. Они там, внизу, вяжут, в паузах читают газеты, решают кроссворды, на работу ходят в халатах и домашних тапках. Все свои шесть опер и три балета знают наизусть и при этом безумно боятся публики. Эти девочки одевают в серые сиротские одежды и с претензией на мастерство тянут жалостливую музыку типа «Элегия» композитора Масне.

Да, чуть не забыл! Профессор Деденко, Виталик «Череп». Этот начал терять драгоценные волосы в период воспитания в военном оркестре. Последние окончательно выпали (а с ними заодно он выдул и мозги) уже здесь, в Берлине, в «Холодном переходе». Восемь лет по восемь часов трогательно свистел на флейте и кланялся прохожим в пояс. Вот и надорвал пупок, досвистелся до лысины. Флейта, знаете ли... Инструмент! Сейчас мучает очередную дудку – саксофон-сопрано. Получается плохо. Играет, точно как говорит: заикается и квакает. Окружающие предполагают, что он закончит психушкой. Крыша поехала очень даже заметно. Зачастую происходит непроизвольное извержение музыкальных идей. Накарябал в домашних условиях целый диск самодельных песен в стиле «Русский СКА». Мрачно и скучно. Жлобщина.

С Гришкой ещё забавней приключилось! Там же, в том же холодном переходе. Этот трезвонил на бандуре и спивал украински песни, сидя мягким местом прямо на бетонном полу. Изредка газетку подстилал (если находил её рядом, в мусорнике) – чтобы, значит, штаны не запачкать. Говорят, «кобзарь» лет шесть блажил под землёй. Яйца морозил. И ничего – жив-здоров! Женат уже в третий раз! Детей, правда, нет. Но есть задроченный «Мерседес-600». Чтобы ездить в Полтаву и нескромно пылить по центральным улицам.

Да, ещё интересный семейный дуэт: гитара и скрипка. «Волотьсолей». Их так, в одно слово, называет Максимка – баянист из Питера. В жизни они – Владимир и Ольга, умнички, добрые и образованные. Володя после консерватории, между делом, окончил университет – по исторической части. Играют – божественно! Много знают, много читают. Изредка встречаемся, примерно раз в полгода:

– Привет!

– Здравствуйте!

– Как живёте? Что читаете?

САША БЕЛЫХ.

Хороший человек Санька – добрый и чертовски талантливый! Хотя почему-то тоже из Полтавы. Талантливые люди, в основном, жуткие раздолбаи. Его талант, натянутые до дрожи струны души, а также сомнительное поведение не укладываются в общепринятую норму. Парню тесно! Сам-то скрипач, но поёт, играет в гитару – заслушаешься, народ рыдает. И при этом – полная сумятица в башке. Поехал в Харьков, в консерваторию – учиться пению. Через

два года отчислили. Пришлось служить в армии, в военном оркестре. Поиграл на два года на флейте – и на большую эстраду! Гастролировал с «Красными розами», Ириной Фонарёвской, Юрием Тутяичем (царствие ему небесное – помер бедолага! Душевный был белорус). Короче, болтало Александра Александровича, как надо – от Находки до Гагры. Крепко попибал. Бросил. Но легче не стало! Надоело. Тоска сковывает грудь железным кулаком. Домой! Оставил свой расплывчатый след на советской эстраде? – Хватит!

Вернулся, сел работать в кабаке. Жили мы в то время, надо сказать, весело и беззаботно. Коммунисты вещали правду – мы были уверены в завтрашнем дне! Никаких безработиц или, там, кризисов. Денег на чёрный день не собирали. Для чего? Стало скучно дома – поехал в какой-нибудь Хоцэпэрдовск, в областную филармонию. Или в Дрогобыч, в конце концов. Работы было полным-полно, куда ни плюнь!

Но не тут-то было! Народ ни ухом ни рылом не чуял наступления грандиозных перемен. А они наступили. Вдруг, неожиданно! Поставили нового молодого Генсека. Комбайнёра. Говорливого, одержимого прикольными идеями. Тот затараторил и замахал руками в телевизоре. Иногда он делал ошибки, иногда нёс откровенную чепуху. Страна этого не различала. За ним притоптала орда отчаянных реформаторов. Назначили перестройку с ускорением. Глупость, известное дело – движущая сила истории. Генсек, как оказалось, был какой-то левый, мутный и подозрительный. Всё время понапрасну каялся и разводил руками, безумно цепляясь за свой портфель. И страна покатилась, все побежали кто куда. Первыми умчались музыканты, хорошие музыканты. Вместо них осталась художественная самодеятельность. Народ выживал, кто как может. Когда нет выхода, надо менять положение. Мой душевный друг Саша Белых нагрязнул в Берлин. Что он делает здесь? Он числится в творческой команде, которую держит бывший гэдээровский коммунист-чиновник. В молодости ему посчастливилось лет десять посидеть в сталинских лагерях, поэтому он вполне прилично говорит по-русски – довольно забавно, с примесью лагерной фени.

– Халло, здравствуйте герр Роланд! Это Юля, пианистка! Как Вы поживаете?

– Фуёво, моя радость! Фуёво!

Команда состоит при каком-то музее культуры. Артисты разного жанра: баянисты, домристы, плясуны, певуны. А также дуэт – армянин и белорус. Они не артисты, они уже пятнадцать лет жарят шашлык для творческого состава. Скорее всего, они – педерасты. Голубые.

Концерты даются бесплатно. Но! За это весь творческий состав, включая шашлычный коллектив, имеет рабочие артистические визы. А на жизнь зарабатывают, кто как может.

Конечно, полтавские – большие придумщики и мечтатели. Давайте послушаем, о чём они мечтают, какое оно, их лазоревое будущее?!. Оказывается, это:

– получить работу.

– Получить вид на жительство.

– Бросить работу.

– Получить социал.

Спору нет – это, конечно, грандиозные планы! Социал – дивная штука. Получил его – можно заключить: жизнь состоялась!

Что за «социал»? Это денежное довольствие, пардон, пособие примерно триста евро. Соцкасса оплачивает медицинскую страховку, жильё. В дом дают стиралки, сушилки, подержанную мебель и прочую дребедень для жизнеобеспечения. Иногда позволяют получить кое-какие тряпки. Бесплатно. Но секунд-хенд. Другими словами, организуют нормальное биологическое существование: встал, умылся, на горшок, поел, опять поспал.

Жисть! Раз в месяц сходил на биржу, отметился. Вольная сытая смерть. Достойное обслуживание своей прямой кишки. Жорево и порево – это очень здорово!

Из четырёх заветных пунктов мой преуспевающий друг выполнил пока только первый – получил вид на жительство. Тотчас приволок из Полтавы жену и сына Серёжку двенадцати лет отроду. Способного, умного мальчишку, начинающего музыканта весом в сто с лишним килограммов.

Что-то там такое любопытное было у него и про женитьбу! А... приехал с гастролей, наигрался вдоволь. Привёз башли, пьёт, кушает, гуляет. Всё у него есть – квартира, гараж, машина. Даже зимнее пальто! Молодые чувихи прибегают убирать квартиру, успевая в придачу хозяину любовь учинить. Неизвестно, почему, но был объявлен конкурс-лотерея: которая из уборщиц раньше всех забеременеет – та пойдёт за квартировладельца замуж! Наташка успела первой. Родила Серёжку, а Сашка тем временем умчался в Берлин.

Долго жили порознь. Иногда наезжали погостить друг к другу. Наконец жена прибыла к мужу в Европу. И заартачилась:

– Хочу работать!

Заметим: ни врачебного, ни инженерного диплома у неё нет. Никакого нет! Хотя, может, и есть какой-то, но работать она пошла уборщицей. Мести по богатым еврейским хатам. Нагляделась там, обезумела от зависти. Бабёнка довольно хлипкая, тщедушная, ети её лапти. Попка – с гулькин нос, в чём только душа держится. А туда же! Хотя... Работа совсем даже неплохая – подмести, стирануть, хозяина квартиры за дополнительную плату оминетить...

Чем же закончилась эта трогательная история? Скурвилась Наташка! Захотела тоже хорошо жить, пошла по разным турецко-еврейским рукам. Сына оставила, сбежала из дома, где-то бадяется. Упала на измену, курочка!

Интересно, на что всё-таки живёт бывший известный артист советской эстрады, а ныне начинающий эмигрант Алекс Вайс (так он обозначил себя в визитке)? А он играет в еврейской команде на гитаре и скрипке и в придачу поёт на идиш. Всякие там кабачки, свадьбишки, презентации и прочие позорные мероприятия. Скрипка, к слову, чересчур современная – только гриф и загогулина со звукоснимателем. Если воткнуть её в усилитель, получится красивый, тоскливый звук, похожий на грузинский дудук.

А вообще-то Сашка – человек, конечно, хозяйственный. Наташил домой кучу разных гитар и скрипок – он их скупает по дешёвке на блошинных рынках. По-немецки это мероприятие именуют «флёмаркт». Каждую субботу, когда в Берлин налетает туча туристов, когда «капуста» сыплется в музыкантские чехлы и футляры, мой друг доставляет себе удовольствие посещением барахолки. Не будем описывать все те роскошные предметы, тревожащие его хрупкое сердце! Но дома у него много всего и разного. И все добро свалено в одном углу. В одной куче – гитары, усилители, украинское сало, резиновые сапоги, ноты и презервативы... Чёрт ногу сломит! А ещё надо и сытно покормиться: сынок сильно подрос – его теперь три раза в день коврижками да коржиками баловать надо. На этот случай придуман турецкий базар. Опять же, в субботу, в конце торга купцы отдают разложенные товары втридеша, почти бесплатно. Розница такова: бери себе вкусности и сласти не килограммами, а ящиками.

Чрезвычайно заманчиво! Цыплята – мохнатые, как мамонты. Опаливать их надо настоящей газовой горелкой, какой сварщики ржавые «Жигули» латают. Варятся эти птицы после оголения часов двенадцать. Многовато, а есть хочется сейчас. Дым в хате и духан – как в крематории. Жил я у Саньки с Серёгой почти два года, всё на себе испытал. Сидим, ждём-ждём, открыв голодные едала...

Но что касемо овощей и фруктов – с превеликой радостью! Персики, огурцы, сельдерей, киви и клубника – всё ящиками, всё свежее, всё в оболочке и в упаковке!

Конечно, случались у нас некоторые неожиданности и случаи. К примеру, зимой было спать чуть-чуть холодновато. Отцу с сыном – им-то что! Батька (кулибин, матевоёп)

ленился печки топить – изобрёл для себя газово-кухонное отопление. Протянул до койки резиновый шланг, подпаливал горелки – и весь тёплый кайф шёл в постель, в обыкновенную резиновую грелку, которую отец с сыном всю ночь обнимали. Я же стучал зубами под тремя одеялами. Но жили мы дружно и весело!

Можно представить себе, как удивился и обрадовался мой друг, впервые озираясь в Берлине. Диковин здесь хватает, как впрочем, и ерунды разной. Вот, возьмём, шпермюль – отголосок прежней роскоши. Неутомимый Алекс, промчавшись по всем близлежащим окрестностям, затарился барахлом и мебелью на ближайшее столетие. Я намерен описать это восьмое чудо света, известное каждому приличному постсоветскому эмигранту, а также коварным и весёлым польским спекулянтам.

На улицах германских городов, в специально отведённых для этой цели местах, в определённые дни недели выставляются ненужные вещи. Исключительно сказочное место! Шпермюль!.. Это волшебное слово означает «крупные отходы». Сейчас Германия несколько поутихла, поприжалась. А раньше... – всё на улицу, без особой нужды. Меняют, к примеру, супруги свои жилищные условия и всё, нажитое непосильным трудом имущество, бережливые немцы отправляют на улицу.

– Нате, возьмите, босота! Пользуйтесь нашей отзывчивой добротой!

Туземцы, конечно, недолюбливают пришлый народ. Но фасон есть фасон! Всё старьё... самолично... – вон из хаты! На радость и подбирание русским эмигрантам и шустрым польским барыгам. А в свежие квартиры едет весь новьяк.

Старая мебель аккуратно разбирается, складывается в штабеля. Посуда, тарелочки, чашечки, ложечки – всё завернуто в бумажечки и сложено в коробочки. Берите, люди добрые, пользуйтесь! Нам этого уже не нужно!

Наличие у гитариста Саши одежды с усопших граждан Германии – это совсем другая статья. Её подгоняет друг, кочегар из местного крематория. Перед процедурой сжигания специалист раздевает покойных, а одежду складывает в кучку, для дальнейшей перепродажи. Для пока что живых полтавских перебежчиков. Так, по крайней мере, мне рассказывал Белых. Сильно сомневаюсь в достоверности его откровений. Врет! По-моему, печки в крематории топят одетыми жмурами. Не хватало ещё их баловать – раздевать, укладывать повсякому! Тот же кочегар поведал, какие любопытные концерты они устраивают вместе с напарником. Непосредственно в процессе работы. Эта история звучит так: перед сожжением свежему трупу требуется перерезать сухожилия. В специальных местах – под коленками и под мышками. Чтобы покойного особенно не колбасило и не плющило – из-за того, что в печке довольно высокий градус. В общем, ни хрена они им не режут, а лучше берут пол-литра, цедают по стакану и включают пластинку с «Болеро» композитора Мориса Равеля. Проглотив по второму стакану, друзья смотрят в печное окошечко. Там, в жаркой печке, неживой человек с неподрезанными коленками выплывает и кривляется под музыку знаменитого композитора-импрессиониста. Опять же, думаю, что истопник все-таки врёт. Но Санька с ним дружит! Веселый парень, этот сотрудник крематория, хотя и состоит при покойниках. К чему весь этот потешный рассказ? А к тому, что попроще стали жить в Германии. Они сами, на свою голову, придумали Евросоюз, призвали под свои знамена обломки Восточной части Европы – и попали. Делать нечего! Как говорил один неудачливый картежник, «попал?.. Терпи!».

Получается, дела в Европе не заладились? А как же обещанная богатая жизнь? Европейская интеграция, в конце концов, общий дом? Наивные европейцы напридумывали разных интересных и потешных программ для новых братских народов.

– Румынских цыган будем учить компьютеру! – Через три дня во всех компьютерных классах пропали мышки, за ними ушли «клавы».

—В Прибалтике вырубим весь лес! Посадим новый! Через 200 лет повалят бешеные деньги! — Латвия постепенно обрастает лесными лысынами, ждать сумасшедших денег осталось совсем недолго — лет примерно 185. А дожидаться нового, как говорится, лесного блаженства, уже и некому. Старики повымерли, новые дети не рождаются — рожать их тоже некому! Половина нашего молодого люда на Британских островах утирает сопلي английским детям. Вторая половина здесь, в Германии, в богадельнях — выносит горшки за одинокими, старыми, недобитыми, никому ненужными фашистами. Так что? Дело с народом-победителем обстоит неважно? Получается, нас подкармливают поверженные враги?..

Но случаются, всё-таки... случаются в жизни большие радости!..

Жена родила тюремному надзирателю Саньке второго сына! И чем была обозначена эта радость? Тем, что она оставила малыша, а сама втихаря слиняла в Англию. Прямо из роддома! Прямо из палаты! Чтобы муж ненароком не заметил. Радостный отец приезжает в роддом с цветами для жены и с коробиной «Лаймы» для сестричек. Ему выносят малыша. Но без мамы... Так и живёт: одному сыну — 8 лет, второму — 4 месяца. Но государство не даёт пропасть гордому отцу-одиночке! Государство платит детское пособие, целых 8 латов!

...Ну вот, прошла первая радость прибытия новых, независимых государств в Европейскую унию. Всё стало не так, как мы ожидали, а совсем наоборот. В Брюсселе собрали деньги, раздали молодым европейцам:

—Нате, берите! Одевайте рукавицы, наматывайте портянки, напяливайте сапоги и помчались трудиться! Только, смотрите, не вспотейте!

И всё, что старательно наскребли работающие немцы-французы, было скоренько благополучно пропито и разворовано. Срочно!

—Как?— удивились в Европе. — Где деньги, господа министры?

Наивные, доверчивые европейцы! Для полного успеха вам надо было пригласить Михал Сергеича Горбачёва на должность президента Евросоюза... При сегодняшнем уровне либеральной демократии и полном отсутствии совести у властей в Латвии надо вкладывать деньги в коррупцию, потому что она даёт прибыль больше всего остального.

Не знаю, как там у них в румыниях или венгриях, а у нас в Латвии никто и не собирался работать. Больше всех обрадовались пацаны, для которых первые пять рабочих дней после выходных бывали самыми трудными. Любители разной красоты и бесподобного богатства сидели за столом, наливали по стакану и мечтали:

— Теперь будем получать пособия, как в Германии!

Нет, ребята, здесь вы не угадали! Здесь вышла промашка. Бережливые европейцы нашим ленивым безработным денег не дают. Или дают чересчур мало. А работать, как немцы, у нас пока не получается и, наверное, уже не получится. Так и живёт наша милая Латвия, страна вечнозеленых помидоров, на подачки из города Брюсселя. У нас всего хватает! Но, к сожалению, не всем... Обидно, людей жалко. Хорошие у нас люди, башковитые и рукастые.

...Опять я о пустом и ненужном. Продолжим о хорошем. О волнительном и возвышенном. О нем... О творчестве...

Так каким образом, в конце концов, после долгих мытарств и несчастий добывает себе на пропитание мой дорогой друг Alex Weis, который Александр Белых?

Он — вагонщик! Это такие легкие, светлые и слегка нахальные люди, которые вскакивают в вагон метро, достают из-за пазухи свой инструмент и, озираясь по сторонам, начинают быстро-быстро петь или быстро-быстро играть. Вы спросите:

— А почему, собственно, быстро-быстро?

А потому, что за один перегон надо успеть исполнить 2-3 душевных, волнительных произведения, собрать с обалдевшей публики гонорар, на остановке выскочить из вагона и стремглав лететь на противоположный перрон, заскочить во встречный подоспевший поезд

– и начинать все сначала. И так много раз за день. В связи с отсутствием всяких сомнений, а также благодаря удаче и низменности творческих идей многие лета едут «артисты на колесах» по железнодорожному жизненному пути.

Спецы-вагонщики – они немыслимо разные. Один злодей тягал с собой контрабас. Представляете картину? Утро, суматоха, полусонные пассажиры спешат на работу. Вдруг в вагон вскакивает шайтан, взлохмаченный человечек с контрабасом, и начинает громко лабать, заплетать народу с утра пораньше мозговые извилины. Благодарные слушатели вздрагивают и с испугу лезут в карман за мздой. А что тут такого! Да, заводные, прикольные песенки спросонья! Но на контрабасе! Чтоб человек отдохнул перед работой. Самое интересное и потешное начиналось, когда ему с контрабасом под мышкой приходилось вприпрыжку утیکать от вагонных контролёров. Вагонщики – племя вечно пьяное, рассудительное и многонациональное: поляки, итальянцы, англичане, наши (все 15 республик) и, конечно, неугомонные цыгане со всех краёв света – говорят, их нет только в Японии. И ещё одна, самая большая неудача – полтавских наскребётся голов 10!

Тихо!.. Давайте внимательно прислушаемся... Это Жужа, чертовски симпатичная и весьма положительная дама, грандиозная домристка! В свободное от гастролей время она непринужденно пробегается по вагонам, гастролит – ни много ни мало – с самим Иваном Ребровым! Даже чернокожий скрипач завёлся в этой компании! Негр со скрипкой – это вам не какой-то еврей с гармошкой. Это уже совсем серьёзно! Это непутёвый американец по имени Рей Джонсон. Стоит посреди вагона метро чёрный человек и лабает на скрипке Моцарта! Теперь остаётся только выучить негров играть в хоккей!

– Ты кто, чудо?

– Рей Джонсон из USA!

–Понимаю. А бывший президент вашей Америки, Линдон Джонсон, часом, не родней тебе приходится?

–Не знаю!– и гогочет во всю пасть, Щелкунчик!

А я нисколько и не удивился. Они, эти американские товарищи, совсем мало чего знают. Даже то, что бывший президент был белый. Что касалось моего хозяйственного и темпераментного друга Александра Александровича, то у него имелось особенное амплуа. Он пел в вагонах метро наши родные матерные частушки! Веселый парень Санька! Да и возможности творчества, занимающего его утончённую душу, просто безграничны. Уж чего бы там хорошего! А в матерных частушках наш гордый и утончённый русский народ никогда нужды не знал и в ближайшие несколько сот лет, надеюсь, знать не будет. Крепкое слово и кошке понятно!

Но европейцы имеют смутное и неполное представление о нашей родной русской музыкальной культуре. Ну, знают они, конечно, Чайковского, Римского-Корсакова или, наконец, Глинку Михаила Ивановича! А вот о русской матерной частушке не имеют ни малейшего представления – одним словом, немцы. Сашенька решил восполнить пробел в развитии этих несчастных жителей столицы. Друзья перевели на свой родной язык, язык Гёте, Шиллера и Ницше, вступительную речь исполнителя. Что есть суть русская матерная частушка! Перед началом позора артист на корявом немецком языке, старательно и отвратительно коверкая на еврейский манер букву «р», вещает. Он сеет в открытые нараспашку души пассажиров любопытство, смятение, робость и страх. Получается что-то наподобие лектория. Вагонная филармония! Народ, затаив дыхание, слушает и переживает. Идёт матерная частушка в сопровождении гитары. В заключение гитарист пляшет чечётку – по-нашему «степ». Готово! Доставил, как говорится, удовольствие! Жители и гости города Берлина прикоснулись краешком души к великому русскому искусству. Такая вот херня. Шоу на колёсах... Гонево...

Сейчас Белых по вагонам уже не скачет.

–Я бздю! – кричит, – контролёры слапали! Грозились депортировать и шлёпнуть в паспорт черный штемпель!

Печально, конечно... Смешная была программа!.. Сань! А ты видал шоу Бенни Хилла?

–А шо у него?

–Эх, ты! А ещё считаешься мастером вагонного степа! Подземным водопадом красноречия!.. Народный артист СССР Тарапунька тоже, кстати, из ваших мест происходил, из Полтавы. Великий был шоумен!

Спасибо тебе, Сашка, за твоё доброе сердце!

ЛАБУШСКИЕ ХОХМЫ. ОТ А.А. БЕЛЫХ.

Известно, что стремление к деньгам есть безудержная и трепетная страсть всех музыкантов. Всех без исключения. Представьте себе: Дальний Восток, город Находка. Морской порт, вокруг сплошные моряки и всякого сорта барухи. Кто эти озорные и жизнерадостные особы? Это девушки разного возраста и социально-семейного статуса, которые за стакан водки и сказанное в придачу доброе, желательно, не матерное слово, справят вам все четыре удовольствия, вплоть до мягкого минета. Тут же, не сходя с места! Почти по Шекспиру: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о минете в туалете». Гости пьют напропалую и без выходных. В кабаке – дым, гвалт, музыка, драки. Деньги летят направо, налево!.. Музыкальные заказы выполняются в экстренном, укороченном режиме: 2 минуты – 4 песни! Для Вани, для Мани! Бабки валят! Парнас! Хабар! Шторм, бушующая стихия! Жизнь!..

...Классная штука – жизнь! А самая классная штука в жизни – это штука баксов!

На сцене, под рукой у барабанщика, маленький веник: в короткие паузы он сметает башли под стул. По окончании трудового вечера кассир берёт в руки обыкновенный мусорный совок и собирает честно заработанный гонорар в огромную коробину из-под печенья. Артисты окружают чудесную копилку и по команде распорядителя деньгами хватают горстями пятёрки, червонцы и разные другие номиналы. Так делают много-много раз, пока касса не иссякнет. Завершив эту грёбаную процедуру, лабухи начинают хвалиться:

–У меня 280 рублей!

–А у меня – 18 квартальных и 15 чириков!

Идут кирять... Кто-то идёт домой... Это кому выпить некогда. Хотя на это дело время должно было хватать....

Как-то раз поутру беседовали две обессиленные безденежьем уборщицы. Они прихлёбывали чайк и говорили:

– Разве сейчас деньги? Вот раньше были деньги так деньги! Придешь в уборную с ведром и тряпкой, вывернешь корзину, наберешь между грязных бумажек червонцев или двадцатьпяток, отмоешь их от говна. Вот это были деньги!

МЫ.../ ... ПЕВЦЫ И МУЗЫКАНТЫ, АКРОБАТЫ И ШУТЫ.../

Наше звонкое дело – очень древнее занятие. Самое старое и неистовое, после волнительного и небезынтересного труда немного несвежих, слегка потёртых девчонок, кои за большие и быстрые деньги продают своё белое потрепанное тело, свою бесконечную нежность и любовь беспомощным и глупым мужикам. Скандальные журналисты взхлёб утверждают, что у них, писак, вторая древнейшая профессия на Земле. Это неправда, это вздор, безобразная чепуха и так далее. В те времена, когда впервые объявились мы, музыканты, тогда и в помине не было ваших гнусных газеток и гладких журналов с ужасными названиями, в которых пишут дурацкие сплетни, нытьё и приторную, извините, правду. А насчёт радио и нахального телевидения, напичканного трухлявыми юмористами, поющими пенсионерками об ручку с малолетками, мордатými писателями и несимпатичными девушками с ласковыми именами типа «Нюша» – так это совсем другое. Это вовсе не творчество. Они есть обслуживающий персонал для депутатов, бандитов, барыг и мешочников.

Но картина такова: мы есть везде – в Европе, Америке, Японии.

Скрипач Андрюшка Друшляков, по кличке Андрей Ур, предрекает:

–Всё, чуваки, чахнет наша лавочка. Лажа! Скоро прикроется насовсем!

Он говорит об этом уже 16 лет, а лавочка до сих пор на месте. Хотя народ в Европе стал чувствительно беднее. К тому же сильно обверзали нашу черешню румынские цыгане. Ребята они, конечно, неплохие, но взволнованные. И, прямо скажем, многовато их! Голов триста мечется по всему Берлину. Рыщут, с гармошками на правом плече, шляются по приличным местам, тянут на всех углах канитель в виде «Бесаме мучо» и наводят ужас на пешеходов. Рассадили на каждое рыбное место по ребёнку, или, ещё лучше, старуху лет 90 приспособят на раскладной скамеечке – всунут ей в ручонки махонькую гармошечку или духовую аккордеоновую штучку. Эти цыганские бабушки, конечно, не умеют играть музыку. Они умеют зурзать, дудеть, заискивающе улыбаться, заглядывая прохожим в глаза, а ещё – говорить нараспев немецкое слово «Халё-о-о!». Короче, они умеют попрошайничать. А в остальном у нас всё нормально – играем себе и играем! Деньги приходят и уходят....

И уходят, и уходят, и уходят...

Между тем, истории известны очевидные факты о наличии нашего брата, бродячего музыканта, на просторах Вселенной. Причём, в давнишние времена. Вот, к примеру, на лестнице Софийского собора в городе-герое Киеве есть любопытная картинка: два потешных мужичка дудят в дудки, двое бренчат по струнам, а третий пляшет и стучит в барабан! Сами понимаете, это совсем не журналюги или какие-нибудь проститутки. Нет! Это – наши люди! Это музыканты! Только не сейчас, а раньше, в 1037 году. Кто эти ребята? Русские, немцы или цыганы? Это совершенно неважно. Главное, это явление уже обозначено и подтверждено документально, так сказать!

Ещё в VI веке по Руси скитались певцы с гусями. Пели да плясали! Хвать инструмент в охапку – и пошли веселить народ по городам и деревням! Гастроль! Крик, шум, базар, пьянство, пляски, драки... Красота! Играют на всех инструментах: на гусях, на пиле, на ложках, как какой-нибудь Борис Николаич Ельцин! Русский шоу, извиняюсь, бизнес нарождался в те былинные времена!

Однажды в одной отдельно взятой стране это безобразие решили прекратить. Словили всех музыкантов, а их скрипки и ложки сожгли в печке... Не вышло! Всего каких-то полгода и продержались в мёртвой тишине. И пошёл разгул пуще прежнего! Короче, уже в XVI веке дисциплинированные немцы придумали «Протокол уличного музыканта» и узаконили нас, так сказать.

Свадьбы, похороны, гулянья, ярмарки! Ярмарка – это слово немецкое. «Ярмаркт» – годовой торг, или годовой базар по-нашему. Понятно, что в конце года. Это как вам больше нравится. Прошло немножко времени – и за нами потянулись другие творческие люди: цирковые, кукольники.... В Европе всех нас, всю копну, называли менестрелями, мейстерзингерами.

Так и пошло. Названия красивые, слов нет. Даже оперы про нас придумывали! Но прошло уже много сотен лет, и что мы видим? Какие они, теперешние скоморохи и мейстерзингеры, какие при них инструменты?

Играет, к примеру, в Берлине музыкант, Серёжка-стаканщик. Инструмент его очень непрост. Описываю: в рядок стоят стаканы, наполненные водой: в одном воды больше, в другом – меньше. Тон выше – тон ниже. Серёга водит по краям мокрыми пальцами, и они, эти самые стаканы, поют! Божественным хрустальным голосом! Стаканщик имеет вполне приличное образование. Он – пианист. Потому он и играет на своих стекляшках затейливую фортепианную музыку – диски с теми звуками отлетают нарасхват.

Или другой случай – уличные театры. Именно уличные, для обыкновенной сцены они не приспособлены. Есть, к примеру, театр на старой парусной шхуне, которая привязана

к берегу реки Шпрее. Каждый вечер туда сбегается большое количество разных эстетов и взыскательных зрителей. Они сидят, дрожат от волнения и смотрят постановку. На трясущихся от гнева коварных арапов и греков, завернутых в белые простынки. Они глядят и переживают, когда те начинают душить друг друга.

А вот музицирует китайский виртуоз – то ли Суньх Уйф Чай, то ли как-то по-другому его зовут. Сидит, радостно оскалился! Играет на сучке с волосами. Тягает по нему кривой смычок, тоже с волосами: вперёд – назад, вперёд – назад... Горазд жалобно получается. Тоска!

Небольшенький невзрачный человечек выделяет кренделя на велосипеде. Сам показывается, а потом даёт прокатиться зевакам. Руль у велика работает совсем наоборот: крутишь вправо – велик влево, крутишь влево – велик вправо. Всё у него шиворот-навыворот. Смелчаки ездят, хохочут, падают, расшибают в кровь свои лбы, радуются и платят за это удовольствие по 5 €.

Или, смотрите, на рождественском базаре в Билефельде расположился клоун с красным носом, прилаженным на румяной ряшке. А рядышком – чародей пристроил большой картонный ящик с новыми игральными картами. Он показывает на картах всякие фокусы. Поначалу зритель кладёт на прилавок 5 €. Это, как говорится, на кон. Красноносый шулер раскладывает колоду и просит германского любителя халявы и дармовых денег запомнить какую-либо карту. Ага, запомнил? Теперь клоун раскидывает колоду на кучки – в одной только тузы, в другой, к примеру, все дамы, а в третьей, откуда ни возмись, в компании валетов обнаруживается загаданная карта. Угадал, волшебник! На тебе, игрок, твою колоду карт! И ступай себе, дурень! А 5 € фокусник кладёт себе за пазуху.

К этому жулику стоит очередь!.. Везденёшенек-день! Зима, снег, холодрыга... – а они стоят! Народ в Германии любит, чтобы его дурили. Впрочем, как и наши соотечественники.

И зарабатывает этот отъявленный шельма и обманщик большущие деньги. Тут арифметика простая, примерно за 2-й класс начальной школы: 60 или 70 € в час. Что означает примерно 600-700 € в день, или 18-20 тысяч в месяц. Умножаем на 12 месяцев, получается примерно... Сумасшедшие деньги!.. Сам клоун говорит:

– Я – миллионер.

Сушая правда. Он трудится в поте лица каждую зиму, уже лет 15. Объездил всю планету Земля и расположенные на ней знаменитые курорты. Больше всего любит Черноморское побережье:

– О! Яльта, Яльта !.. – В общем, всё у него хорошо.

– Ведь спишь на деньгах! Зачем тогда сидишь, мёрзнешь на улице, на морозе, а?.. Ответь, спец красноносый?

– А для души!

Короче, хватает нашего брата всяко-разного... Белорусок ёсть забавный: бегаёт по вагонам, бренчит в гитарку и спявает песни. За спиной у него рюкзачок, а в ём – махонький усилитель. За гэту экипировку песняр получил кликуху «Подключенный».

БАЙКА ОТ МЕНЯ. ПРО ЛЮБОВЬ.

Представилось мне на заре перестройки трудиться в ресторане «Мартиньш». Ничего такой кабачок. Одна беда – хозяин нам попался неудачный, по прозвищу «Образ». Я, не теряя без надобности время, познакомился с молодой разводной девушкой. Её звали Ульяна. Симпатичная особа. Вечерком заходила с подругой, сидела с бокалом вина, слушала музыку и болтала ногой. А тут повадился к нам некий Андрей. Друзбан, видишь ли, объявился! Неудавшийся музыкант, но зато неплохой мастер по разным гармошкам. На аккордеоне играл обыкновенно, даже можно сказать, плохо, мурло этакое. Но налаживать баяны, аккордеоны, ремонт-настройка – это он умел! Мастер! Непьющий. Но жмот. Впрочем, говорят, жадность – двигатель прогресса. Про таких есть выражение:

– С ним хорошо кушать каку. Он всё прямо с рук хватает!

Неудачлив в личной жизни. Жёны от него уходят, приходят, оставляют детей, сами уезжают. От кого рождены эти дети – не знает ни мастер, ни его жёны. А что делать? Не может, хорёк, обеспечить им ни любви, ни ласки. Вот они и бегут!

Сидит, значит, этот странный тип тихим вечером, что-то бубнит себе под нос и прихлёбывает чай:

– Жёны, дети, алименты....

Одна у волка песня! Я киваю головой, соглашаюсь, сочувствую и принимаю участие. А поскольку рассказчик имел некий «фефект» речи, приходилось слушать его повествование, стиснув зубы. Было смешно. Мастер клавишей и меха не выговаривал букву «л». Он говорил:

– Я пришёр, я нашёр, яброко... и прочие лингвистические неожиданности.

Знавал я такого дефективного ещё в молодости, на родине, в России. Это был хороший человек и славный тренер по тяжёлой атлетике. По иронии судьбы, ему принадлежала фамилия «Яблоновский». Или «Яброновский» – так она звучала с учётом особенностей речевого аппарата тренера-штангиста. Барабанщик из нашей команды, Равиль Хамзин (проще говоря, Хамзя, татарская его морда), состоял в сборной России. Мастер спорта. Умел поднимать над головой тяжелые штанги. Конечно, под присмотром тренера. А Яблоновский кроме спортивных высот присматривал и за соблюдением режима.

В общем, музыкальный коллектив трудился в кинематографе «Родина», исполнял перед сеансами джазовую музыку, мелодии из кинофильмов и так далее. Тогда была такая мода. Публика сидела, слушала, лизала мороженое и наслаждалась. Потом уходила в кинозал смотреть кинокартину. А мы – в буфет, пить пиво!

А Хамзя прятался в уголке... Напиток цедил с оглядкой... Испуганно озирался, ступая по шаткому пути нарушения спортивного режима. Сзади на цыпочках подкрадывался тренер и громко говорил:

– Ну что!.. Врагу погрощаете?! – Это, типа «Пивко посасываете?..»

Хамзя вздрагивал, стакан разбивался об пол...

Мастеровой Андрей шутил таким способом, без буквы «л» во рту. Короче, перерыв, сидим, пьём чай. Колдырь присел рядом, пытается меня, достаёт, расспрашивает и интересуется:

– Посрушай, вчера твоя девушка быра? В короткой юбке, симпатичная, гразастая?

– Да, Андрюха, эта была моя поклонница Ульяна. Что, понравилась?

– Понравилась! Одно прохो – совсем мородая.

– Ты о чём, парень? Чем плохо? Молодая разведёнка, на 20 лет моложе...

– А вот это совсем прохो.... У моего учителя Георгия Никораевича жена тоже быра на 20 лет морозе. Но ему повезло – она некрасивая! На неё никто не позарится!

Да.... Или нет.... Я сразу не сообразил, что ему на это ответить. ...Но нет, мастак! Лучше есть торт с друзьями, чем в одиночку!.. Это мне повезло!

Я.

Честное слово, чудная местность – моя Отчизна, развесёлый город Сызрань! Зиновий Ефимович Гердт, Великий Советский Артист, герой-фронтовик, мудрый и сильный человек, всю жизнь мечтал побывать у нас на Волге. Я сам об этом слышал на его творческом вечере в 94-м году. Артист объездил все Америки, вдоль и поперёк! Больше него за кордоном бывал только иностранный министр – красивый и интеллигентный человек Андрей Андреевич Громыко. А артист Гердт мечтал о Сызрани! Не дожил... Жаль...

Город был ни большой, ни маленький. Но особенный. Население – обыкновенное: строители, заводские работяги, воры, менты да железнодорожники. Местность была на удивление прибрлатнёная. Блатной манер был во всём: одежда, соответствующий походняк

(втянув шею в скрюченные плечи, озираясь по сторонам вороватыми глазёнками), плевки сквозь зубы, жаргон, словечки, разные выходки и проделки типа «гоп-стоп».

И вот что припоминаю... Бежим из школы мимо Летнего сада железнодорожников, а там – сирень, огромная, цветастая и убийственно ароматная! А кроме нее в саду только скамейки, дощатый клуб (его называли просто – «Летний») и танцплощадка – и всё. Нет, подзабыл!.. В придачу к объекту культуры был пивной ларёк, где продавались «Жигулёвское» и красные варёные раки – по 10 коп. за одну рачью голову. А малость подальше, у стадиона «Локомотив», был ещё один очаг просвещения – зимний клуб. Народ величал его «Гутман». Отчего пошла такая слава – неизвестно. То ли джазмен-американец Бени Гутман (БЕНИ ГУДМЕН!!!!!!!!!!) заруливал в Сызрань с кларнетом под мышкой, то ли в старину местный парикмахер отгрохал себе такой домище, да большевики отобрали его в 17-м году и под клуб определили... А поскольку документов по этому поводу нет... Короче, Гутман и Гутман – какая разница...

Итак, забегаем мы, пацанва, в Летний сад, покупаем раков, грызём, смеёмся и радуемся. Вокруг пивного ларька – красивые мужчины с пивом. Все, как один, сидят на корточках. Пивные кружки в середине прошедшего столетия были в дефиците – как-никак, всего 15 лет после войны, много чего не хватало. Поэтому напиток тянули из пол-литровых стеклянных банок. И вот сидят они, у некоторых на руках синие картинки нарисованы: ну, там, «Север», всякие дивные птицы с почтовым конвертом в зубах. А у некоторых, наоборот – целые предложения написаны, типа «Не забуду мать родную» или «Нет в жизни счастья». На пальцах драгоценности наколоты, в виде перстня, или год рождения. Последней цифры нет: к примеру, 193... – и прочерк! Мол, догадайся сам, что и как! Сидят, значит, на корточках, лакомятся пивом и курят папиросы. Ведут деликатные беседы на непонятном языке. Спокойно, культурно, вежливо. Иногда – бац в морду! И всё ништяк! И опять сидят на задних ногах... Мы подросли и разобрались в диалекте: наш город был силён садами, сиренью да острогами!

Этот дружный народ, плотно окружавший питейный киоск, происходил из бывших заключенных. Из тех, что строили подле Сызрани знаменитую Волжскую ГЭС. Сидельцы построили объект народного хозяйства, «откинулись», как говорят интеллигентные люди, и остались тут же, в Поволжье... А куда деваться горемыкам, куда ехать? Где их дом? Осели, стали жить кто где. А сидеть на корточках – это привычка старых эков. Этапная привычка. В связи с переменой среды обитания. Привозят, к примеру, заключённых в столыпинских вагонах, рассованных по много человек в каждой клетке. Надо перегружаться в «воронки» с решетками, поскольку им, вместо клеток вагонных, любезно приготовлены места в тюрьмах. Надо всех определить, развезти по новым адресам. А машин этих самых – мало. А народа, которому требуется своё отсидеть, много. Вот и сидят они, бедные, на перроне, ждут своей очереди. Сидят, как говорится, время не теряют: у них забота такая – сидеть. В тюрьме ли, в лагере, на перроне... – какая разница! Всё равно же сидят... Вокруг конвой с автоматами, собаки лают, захлёбываются... А они сидят, несчастные, на корточках, сидят... Дождь, снег, холод... А они всё равно сидят часами, на задних ногах, пока не дойдёт очередь шагать в тюрьму.

Потому для них, отбывавших длинные сроки заключения, такая поза для отдыха привычней, чем на диване валяться. И вообще говоря, мы, мальчишки, раньше научились петь воровские песни, чем читать. Поговаривают, что наша эстрада вышла из блатных и кабацких песен. Было бы странно с этим не согласиться! Да! Сама вышла из этих песен, берущих за душу своей искренностью и простотой. Без помощи ТВ и дешёвых жлобских программ типа «Фабрики звёзд», где больше отходов, чем продукта. Во вред телезрителю.

Жизнь шла своим чередом, сама по себе. Я ровно подрастал, набирался ума и умения. А на гармошке научился играть очень рано – примерно в лет пять.

Играл я не как все начинающие приличные гармонисты: я держал гармошку вверх ногами (правильнее, наверное, сказать, вверх тормашками – у гармошки же ног нет. Но что такое «тормашки», мне неизвестно). Быстро и успешно освоил репертуар популярных военных и модных в те времена песен, услышанных по радио. Играл, скажу вам, весьма уверенно и, главное, правильно. Только гармошку держал наоборот.

Мой добрый и мудрый папа немало натерпелся на поприще жизни. В 20 лет его, молодого татарского паренька, назначили мастером цеха в паровозном депо. Всех предшественников за два года его трудовой деятельности добросовестно пересажали в сталинские лагеря. Поскольку деповские трудящиеся так воровали!.. Так воровали!.. Сначала по окончании ремесленного училища папеньку поставили бригадиром. На третий день начальник позвал его и произнёс:

– Послушай, Муса, ты парень молодой, красивый и неглупый. Не создавай нам затруднений, пожалуйста! Сиди дома, отдыхай, читай книжки... Мы будем тебе домой и зарплату носить, и добавочку к ней... Только не мешай нам спокойно воровать, а?.. Зачем тебе все эти неприятности? Зачем тебе всё знать?.. Меньше знаешь, больше проживёшь... Сиди спокойно дома, чтобы от наших забот голова понапрасну не кружилась, а?..

Заметим, это было довоенное сталинское время. Можно себе представить, какое волнение испытывали казнокрады... Их даже Колыма не страшила. Или, к примеру, соловецкие лагеря. Или Сибирь. Даже песня есть такая: «Ну что ж, Сибирь – Сибири не боюсь я, Сибирь ведь – тоже русская земля...».

Папа просьбам не внял. Огорчился, но остался командовать работягами и мужественно, терпеливо ждать своей очереди на арест. Спасла его повестка из военкомата. Пошёл служить в артиллерию. Затем война, фронт, передовая, контузия, цинга и все остальное, что пришлось пережить мужественным и храбрым людям его поколения. Подоспел приказ Сталина: железнодорожников с фронта – на железную дорогу! И папа поехал с фронта. Недалеко поехал... В город Сталинград... Там тогда происходила страшная битва с немецкими захватчиками. Назначили начальником восстановительного поезда. Только военную шинель сменил на железнодорожную. Такая, в общем, удача подвернулась в окружающей жизни. Ох, и повидал там, папенька, ох и натерпелся!..

Вспоминать он редко что вспоминал, почти ничего не рассказывал. Иногда, правда, всплывёт, получив поздравление к 9 Мая из Сталинградского музея. И ещё: когда он ходил на парад, у него вся грудь была в орденах и медалях. А папина фотография висела в Музее Сталинградской битвы.

– А что там рассказывать, сынок? Война! Что хорошего?

Сильный был человек и скромный. Через много лет я нашёл в домашнем архиве фронтовые боевые листки, заметки из газет и его переписку со сталинградскими историками. Папы тогда уже не было....

Отец принёс с войны трофейный немецкий аккордеон. На нём была нацарапана фамилия героя-бойца, захватившего трофей. Звали его Н. Ключев. Как сейчас помню! На красном перламутре гвоздём был нацарапан текст:

«Аккордеон взят в окопах оккупантов рядовым Н.Ключевым, в 1943 году...»

Спасибо тебе, дяденька Ключев! Это ты сделал из меня музыканта! И тебе спасибо, дяденька фашист, за твой дружеский жест, так сказать! За то, что оставил аккордеон, когда драпал из окопа. Забыл с собой захватить, как говорится, с испугу в штаны наложивши. Благодаря этому трофейному музыкальному инструменту я сейчас играю на улицах города Берлина! Правда, на саксофоне. Но азы музыкальные мне пришлось прочувствовать на нём, на трофейном «HÖNNER», держа его гордо и правильно...

Поскольку речь идёт о прошедших годах, перед моим взором встают изумительные картинки нашей дивной средневожской жизни: дяденьки на корточках, парк с густой аро-

матной сиренью, дружные ребята-одноклассники, красивые девчонки. Весёлое, счастливое время, которого уже не вернуть!.. И нам становится очень радостно, если мы сумеем оглянуться, посмотреть, посмеяться или, наоборот, светло погрузиться об этой поре по имени «Детство».

Однако повелась мода писать о прошлом плохо и гадко. Без зазрения совести придумывать нелепые истории со страшными коммунистами, кровожадным И.Сталиным, смеяться над лысиной Н.Хрущёва, издеваться над дикцией немощного Л.Брежнева, а проще говоря, над ранением старого фронтовика. Пугать голодом, холодом, а до кучи проливать на страницах мерзких газетёнок слёзы горя и невыносимых страданий.

Враки. Чушь. Ложь.

КОРОТКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ. ФРОНТОВИКИ.

Его передразнивали, а он был фронтовик. Отхватил ранение, поэтому имел дефект речи. В 42 года – генерал, боевые награды. На фронте ничего даром не давали, тем более, политработникам.

На ЛРЗ был ветеран с кликухой Борман, шофёр, страшный рубец на всё лицо. Шоферня говорила, что он всего в одном бою участвовал, потом его ранили, списали, и он поехал домой. А почести – как всем. А ты сам-то попробуй – сходи в один бой да поваляйся где-нибудь в болоте со страшной раной головы и лица и, конечно, без сознания. А найдут или не найдут санитары? Поскитайся по госпиталям, попробуй выжить после страшной контузии, научись снова говорить, жевать, глотать! Это всего один бой!.. Когда мы играли концерт для фронтовиков, он сидел, бедный, и всегда плакал. Большие слёзы текли по изуродованной щеке. Начальство его уважало и жалело. Он работал на тихоходной машине, которая ездила по территории завода. А вы – «один бой... один бой»...

ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Детство было сытое, счастливое, беззаботное и весёлое. Музыка, под мою гармошечку, песни со старшей сестрой Галей и её подружками. Летом – футбол, зимой – хоккей. Прекрасная музыкальная школа с умнейшими и душевными педагогами. А летом – каникулы, пионерский лагерь «Белое озеро»... Трепетный край русской природы! Прозрачное озеро с окунами и раками. В густом лесу. А в лесу – само-собой, ягоды с грибами.

В пионерском лагере целых три музыканта-баяниста играют на общелагерной линейке. А четвёртый, рядом с ними, с «музруками» – это уже я. Юный пионер! Гордый, смелый и прилично играющий баянист! Со второго курса музыкального училища я повадился в любимый пионерлагерь «музручить» самостоятельно. Доигрался до знакомства с первой женой, Любовью Филипповной. Она была девушкой очаровательной души и светлого разума. Поначалу... Да... Ну ладно... Девушка была врачом-стоматологом. Лечила юным пионерам зубки. Поженились. Я подарил ей двоих сыновей. Сыновья подросли, выучились на композиторов и врачей, а мы с Любушкой благополучно расстались. После 25 лет совместной жизни, которая протекала весьма пёстро и эмоционально... Дай бог ей доброго здоровья!

Ну, так что там с аккордеоном? А ничего. В музыкальное училище я поступил играть на баяне, а во дворе брэнчал на самом модном в прежние времена инструменте – на 7-струнной гитаре. Нажимал аккорды – «звёздочка большая», «малая звёздочка», «лесенка». И всё! Я уже кумир двора и уличных окрестностей! Грандиозный актёр Лёня Ярмольник бесподобно изобразил это дворово-уличное явление в своей миниатюре «самый симпатичный во два-а-ре...». Помните? В том выступлении было три ковалка – кипящий чайник, цыплёнок табака и парень с семиструнной гитарой. Это о нас, семиструнниках. Потом пришли «Битлз» со своими шестиструнками, и народ заболел попсой и роком. Большой респект покойному битловскому продюсеру по фамилии Эпштейн! Это он надоумил ливерпульскую четвёрку внедрить в скучные и монотонные ирландские мелодии живые, душещипательные еврей-

ские мотивы. Немного смахивающие и на татарские. Возьмите, к примеру, песню «Girl» или, скажем, «Yesterday»... Битлочки запели, звон монет стал веселей... Вечная вам память, мистер Эпштейн....

Ну а мы продолжали теревить три аккорда, для нас весь мир был наполнен радостью и блаженством! Этим волшебным трём аккордам соответствовал и весь наш беззаботный любовно-романтический и блатняцкий репертуар: «Ванинский порт», «Дочь прокурора». Кто же автор этих песен? Говорили так:

– Музыка народная, автора текста скоро выпустят.

Слушайте:

– Бледной луной озарился старый кладбищенский двор,

А над сырою могилой плачет молоденький вор...

Или другая песня, «Караван Кабир-Али»... Тоже не слышали? Я напомним:

– Тюки везёт караван, а в тюках – кашгарский план...

План – это не пятилетний план или, скажем, план развития производства, план каких-нибудь действий. План – это анаша, «травка» для куровых людей.

Прекрасное время, которое мы испытывали от окружающей нас беззаботной действительности: Поволжье, благодать, лето, тёплый вечер... Кругом сады, аромат... Цветы, яблони и груши... Туманы над рекой.... Животрепещущая атмосфера! Наша молодая, честная компания устроилась с гитарами и велосипедами на двух огромных брёвнах. Это два вековых, спиленных тополя, лежат неподалеку от дома. Тишина.... Стрекогут насекомые... Фонари предварительно расквашены выстрелами из рогаток.... Поэтому только трепетная луна...

– Чайный домик – словно табакерка

С палисадником из красных роз.

С палубы английской канонерки

Как-то раз зашёл сюда матрос....

А дальше – больше! Ещё интересней:

– А ну-ка, Джон, поговорим короче,

– Как подобает старым морякам.

– Я опоздал всего лишь на две ночи,

– Но эту ночь без боя не отдам!..

Вот она! Большая любовь, разочарование и бушующие страсти под семиструнную гитару! Девчонки!.. Они замирают, они дрожат, они прижимаются! Мы чувствуем их робкое порывистое дыхание! Чем закончится эта удивительная история сумасшедшей любви, которая затмила всю окружающую жизнь?! А закончилась эта история гибелью главного героя – его зарезал соперник... Немало слёз пролили молодые девушки, горюя о красивой романтической смерти безымянных влюблённых моряков... безжалостно убивших друг друга из-за какой-то пьяной профуры....

Именно отсюда, с этих спиленных тополиных брёвен, пошла моя музыкальная слава! Именно здесь я сообразил, что такое музыкант, что такое талант и поклонницы! Хочу заметить: музыкант – это вам не врач какой-нибудь или задроченный офицер! Как этим людям добиться расположения нежного пола? У них совсем другие ощущения. Они не испытывают такого интереса и величия чувств, как музыканты.

Так, неожиданно, во мне проснулась любовь к музицированию на улице. С постепенным переходом из сызранского захолустья на западноевропейский маршрут. Заслонив карьеру педагога, хорового дирижёра и артиста большой советской эстрады. Чему я очень рад и совершенно откровенно, абсолютно честно пытаюсь посвятить свои записки.

Не довелось обозначить своё присутствие в гастрольных поездках по родной стране. Хотя звали. Много раз звали. За меня хлопотал мой армейский товарищ, тромбонист Юрка

Назаренко. Он – хороший музыкант! Он – талант! Он, солдатик нашего военного оркестра, исполнял в курсантском клубе концерт для тромбона с оркестром композитора И.Рейхе. В зале клуба – курсанты, будущие авиационные инженеры, настоящий генерал в статусе начальника училища и его челядь. А также господа офицеры и в дополнение к ним – жёны. Офицерские жёны плачут. Не от сериала «Дикая Мария», нет! Дамы плачут от звуков тромбона! От концерта композитора И. Рейхе в исполнении рядового Ю.Назаренко. Вот какие бывают доблестные солдаты и тромбонисты! Таких солдатиков нравится слушать курсантам, офицерам и даже офицерским жёнам.

Юрка дембельнулся и пожелал стать знаменитым артистом. Поначалу он стал мотаться по филармониям, знаменитым джаз-бандам, жалким, постыдным рок-группам и хлипким вокально-инструментальным ансамблям типа «Пустоцветы». Все эти неприятности происходили до тех пор, пока отставной советский воин не прибил к команде народного артиста СССР... не буду называть его честного имени. Но! Юрок попал натурально в тёплую ванну! Белые гостиницы с телевизором и телефоном, бешеные деньги, поездки за рубеж и месячные гастроли в г. Сочи. С 1 по 29 июля. Потом концерт в братской Венгрии, на озере Балатон, тоже длиною в целый месяц. И так далее. Тромбонист утвердился в коллективе, завоевал доверие музыкантов и симпатии самого лидера. Принял решение: из команды – ни ногой! Хотел за меня замолвить словечко, пристроить рядом, так сказать. Появилась вакансия – аккордеонист Валька уходил на пенсию. Я неплохо играл на баяне-аккордеоне и саксофон-альт был для меня совсем не чужим инструментом – я, можно сказать, с ним сроднился! Меня свела с ним служба в Вооружённых силах СССР!.. И тут, на мою неудачу, вышла промашка! В министерствах сочинили закон, оскорбительный и совершенно глупый: набирать в Москонцерт артистов только со столичной пропиской. Много крепких профессионалов вылетело из конторы, освободив места для заевшихся московских бездарей сомнительного происхождения, выросших в тесных и скандальных коридорах коммуналок.

А я снова засобирался на гастроли с узбекской командой «Додо». Оттуда выбилась бледно-обрусевшая поп-дива Хафиза. Я и узбек Зафар Махмудыч сидели с его земляками в гостинице, кушали плов и планировали моё внедрение в коллектив. Зафар Махмудыч – мой душевный друг, мудрейший человек, интеллигент. Он работал у нас в городе майором медицинской службы Советской армии. Что-то у нас не срослось с этой командой, сорвалось... Уже и не помню, почему...

Через год была встреча с другой командой. Два дня отпьянствовали с «Розовой чайкой», всё в той же гостинице. Эти ребята снискали большую зрительскую любовь и почитание. Потешно-дряхленькие старушки до сей поры за столом кричат:

– А любовь – как снег, а любовь – как слон...

Я даже чемоданы собрал с инструментами, майками и зубными щётками, потому что был в конфликте со своей любимой зубничкой. Но внезапно она одумалась и подняла крик:

– Женечка, миленький, а-а-а!..Куда ты, а-а-а!..

– Что «а-а-а»? Что «а-а-а»?..

Снова остался дома... Не судьба... Ну и нечего жалеть! Что такое гастроли в 70-80 годы? Дощатые полудеревенские гостиницы с одним туалетом на 10 номеров. Усилители, инструменты и костюмы (короче, всё концертообеспечение) артисты тягают на своём тощем от беспробудного пьянства и голода горбу. Никаких вам рабочих или грузчиков. Всё сам... Один... Без помощников... Пыльные просёлочные дороги, 50 концертов в месяц – и всего каких-то 300 рэ зарплаты за эти несчастные гастроли строгого режима. Бессрочные... Начало концерта – после вечерний дойки молочного стада. После выступления – протокольная пьянка с руководством и представителями общественности:

– Ребята! Давай покушаем! Ну, там, выпьем шушуть...

От такого плотного и вечнопьяного графика артисты – люди, несомненно, одарённые и легкоранимые – становились просто дрожащими от страха психопатами! Они были напуганы грядущим похмельем! Кроме хронического похмелья они заболели душой, телом и простудными заболеваниями. Представьте: изо дня в день – одно и то же! Чёс, одним словом! Башли! Башли!

Касаемо нашей творческой обстановки, которая присутствовала в ресторанах, то здесь был полный кайф, романтика и безграничная любовь публики. Мы не плакали, не горевали и не болели насморком. Наши сущность и совесть находились на вершине спокойствия и благодати! Включая в эти два понятия материальную основу творчества, звон гитар, шёпот с робким придыханием и девичий стон... Красивый, роскошный ресторан, каждый день – горячий домашний обед и чистые носки. Окружающие предельно добры и внимательны. Жёны тоже вполне одобряли наше занятие. А кроме душевного трепета, радости и восторга каждое 5-е и 20-е числа мы ежемесячно были обязаны получать заработную плату. В придачу к стабильному кабацкому парнасу, или хабару, по-русски говоря. Это составляло каких-то 6 или 7 червонцев в неделю, точнее, 10-15 рэ за вечер. Таким образом, наше денежная составляющая равнялась: зарплата в конторе – 150-200 рэ плюс дополнительное вознаграждение отдыхающих граждан – примерно 250 рэ. Итого: 400-450 честно заработанных советских рублей. Достигалось по совести и чести! Абсолютно трудовая повседневная добыча денег. Без головокружений, грабежей, использования чужого имущества, без припадков с падением затылком на гладкий ресторанный паркет. А также без путешествий по просторам нашей любимой страны... Бессонными ночами, в душных автобусах, с усилителями в зубах...

Главбух нашего городского эстрадно-концертного объединения – почтенная, милая и приветливая дама по имени Олимпиада Сергеевна (псевдоним – «Универсиада Сергеевна»), в час душевного раздражения звонила каждому из нас и задавала один-единственный традиционный вопрос:

– Вы ещё не забыли, что у нас в бухгалтерии зарплату получаете? Или продолжать складывать Ваши честно заработанные на депонент?

Ну, забывали, забывали... Было дело... Ах, нам ещё и зарплата причитается?! Мы испытывали необыкновенно комфортное настроение и безмятежность в душе. Как говорится, и волки сыты, и бабки целы!

В кабаке – исключительно красивые и достойные люди: крепкие, малость хамоватые, парни. Ровные офицеры с длинными шеями и короткими волосами, в неуклюже сидящем цивильном убраньи. Без сапог. В военных ботинках со шнурками. Пустые, ломовые и малоинтересные... Молодые красавицы на стройных и длинных ногах, поставленных на каблуки. Мне почему-то кажется, что сейчас такие ноги уже не делают... Милые, грациозные «сороковочки». Холёные, гладкие и упругие на ощупь. Они были просто неотразимы и довольны жизнью! Это значит, они кому-то мстили – мужьям или подругам. Непомеркшие разведёночки и другие аппетитные красотки. Они пляшут в кружечке, притоптывают маленькими ножками и незаметно скользят повлажневшими глазами по сцене. Облизывают губы... волнуются... Много подпитых кавалеров. Вечер не удался... Хотя... девочки! На крайний случай сверкните очами на сцену – там для вас остаются исполнители! Молодые красавцы, не чуждые чувств и интереса к жизни... А вот и замужние дамы, сорокапятки! И чем старше дамочки, тем они более уверены, что мужчинам нравится их ум и умение красиво говорить. В чём-то они были правы. Вся женская привлекательность, мудрость и красота состоит из мужского воображения и фантазии. Мы их хорошо знаем, милых сорокопятки! Они нас – тоже. Но вида не подаём... Друг друга не узнаём... Хотя, согласитесь, с годами становится труднее соблюдать супружескую неверность... Озорные были нравы, чего греха таить! А жизнь? Сплошная веселуха!..

...Какие гастроли?! Люди!!!

МОЯ РОДИНА СЫЗРАНЬ. ДУХОВЫЕ ОРКЕСТРЫ.

А в пору моего средневожского детства в «Летнем» на танцплощадке играл духовой оркестр. Руководил коллективом маэстро по фамилии Эльбаум. Он сидел на сцене, с краешку, кому-то тайком улыбался в длинные рыжие усы и, не глядя на музыкантов, вяло дирижировал двумя пальцами левой руки, опустив их почти под стул. А поскольку место для отдыха именовали Железнодорожным парком, от этого и дирижёра перекрестили соответственно: его прозвали «Шлагбаум». А всенародный псевдоним скверика – «Гутман» – создавал оригинальное сочетание: Эльбаум, Шлагбаум, Гутман... Ну ведь, правда – что-то напоминает, что-то очень знакомое?.. Оркестр играл строго по графику: 45 минут – польки и вальсы, 15 минут – перерыв. После перерыва оркестрантов на сцену приглашал мастер большого барабана. Он громко колотил в свой инструмент, подпрыгивал на месте и кричал через ограду артистам, скоренько допивающим пиво:

– Васька! – и бух, в барабан...

– Колька! – опять колотил колотушкой по чужой шкуре.

Погрохотав минут десять, успокаивался, садился на место. Бал продолжался... Репертуар составляли шлягеры радиоэфира: «Васька, где твоя улыбка», «Тишина», «Ландыши», а также модная зарубежная попсытина типа «Марина», танец «Линда». А в серединку всовывали «Польку», «Краковяк» и так далее....

Я тоже, параллельно с баянизмом в музыкальной школе, изучал в школьном оркестре медно-духовой инструмент. Дудка называлась очень доброжелательно и ласково – альтушка. Наш дирижёр, Георгий Николаевич, бывший музыкант-сверхсрочник, а по-нашему «сундук», покинул военный оркестр по состоянию здоровья, не выслужив военной пенсии. Обидно получилось... Надо же что-то делать? Тогда жена, учительница русского языка, пристроила его в нашу школу проводить уроки музыки. Он совершенно ужасно играл одним пальцем на аккордеоне, потев от напряжения и страшно перевирая написанное в нотах, однако захватывающе-интересно пересказывал нам биографии и творческий путь композиторов, а также содержание опер и других серьёзных произведений. Но самое главное – он очень любил и хорошо умел организовать духовой оркестр. И ещё: он был просто хороший человек. Хотя... для чего нужны хорошие люди? Для того, чтобы плохие жили лучше. Благодаря их трудам...

Оркестр собирался на репетицию в школьном актово-спортивном зале, три раза в неделю. Репетиция имела свой ритуал. Сперва староста шёл в учительскую за журналами успеваемости, затем дирижёр начинал опрос оркестрантов по части успехов в учёбе и общественной жизни. Отчёт о познании наук и примерном поведении сопровождался раздачей «пирожных». Наш любимый Георгий Николаевич брал в руки толстую длинную палку. Хорошую палку, крепкую, толщиной в черенок швабры. Эти палки мы делали сами на уроках труда. Получается, уроки столярного ремесла тоже не проходили даром. Подотчётный выходил в центр зала, докладывал и ждал своей участи. Дирижёра интересовал, в основном, отрицательный результат – типа двоек или единиц. За каждую из них полагалось два удара по филейной части. Георгий Николаевич сил не жалел, мочил от всего сердца отставного сержанта сверхсрочной службы! От всей, как говорится, души. Карал очень жёстко. За обман или, скажем, за сокрытие истинной, правдивой картины учёбы полагалось ещё одно пирожное – за враньё, за трусость, за боязнь честно держать ответ! Дверь из зала выходила прямиком в туалет. Понёсший справедливое наказание пулей вылетал прямиком в туалет и плакал горячими слезами. И не от обиды на учителя, нет! От боли! Честное слово, было очень больно. Слезы сами текли из глаз, их было невозможно сдержать! Поплакав минут пять, двоечник с кривой улыбкой и перекошенной, красной от слёз физиономией, возвращался назад, уже как зритель. Казни продолжались под дробь барабанов и хохот товарищей. Несмотря на принятые меры предохранения на попе оставались сине-красные распухшие полосы, следы

карательного орудия. Мы поддевали под штаны двое трусов, спортивные шаровары – бесполезно! Было больно!.. И невзирая на это мы очень любили Георгия Николаевича, а он души не чаял в нас. Он придумывал юным музыкантам смешные и ласковые прозвища: например, тенориста Олега Соломина он звал «Шостакович» – за круглые, маленькие, как у великого композитора, очёчки. Трубача Сашку Тутаева, стокилограммового увальня, ласково звал «Тутайчик», а меня за подстриженную под ноль голову и за смешливость звал «Солнышко».

Но когда на Первомайской демонстрации наша школа маршировала по главной улице города, военный оркестр, игравший возле трибуны на Театральной площади, замолкал! Музыканты в красивой парадной форме начинали аплодировать, потому что мы стройно, красиво и ладно играли марш «Тоска по Родине». Мы действительно играли! Мы просто здорово играли! И шагали красиво! А впереди, под школьным знаменем, гордо маршировала наша директорша, черноволосая кудрявая Елизавета Яковлевна. Дальше, с балкона музыкальной школы, махали преподаватели и кричали:

– Жень! Жень, привет!

Сколько было гордости и радости! За оркестр, за школу, за дирижёра!..

А ведь он бил нас палкой по заднице... Но не было в этом обряде зла или взаимных обид, и главное – мы не чувствовали ни капли унижения. Было, невзирая на всё, желание репетировать, играть, нести радость окружающим...

Потом из этого оркестра вышли четыре профессиональных музыканта, один военный дирижёр, три военных лётчика, врач-хирург, физик-ядерщик, кандидат наук, доцент университета. А остальные, я уверен, стали просто хорошими, душевными и работающими людьми. Спасибо вам за всё, Георгий Николаевич! И за «пирожные» тоже.

Ничто на земле не проходит бесследно, как поёт Саня Градский...

БАЙКА. ОТ МЕНЯ. ЗА ВОРОТА.

Теперь я расскажу вам, как в далёкие советские времена выглядело музыкальное оформление еврейских и цыганских торжеств. Для нас, исполнителей прикладной музыки (музыки для развлечений), это было весьма желанным событием. Желанным и довольно денежным. А деньги платили ох какие немалые! На этой стезе свирепствовали братья Бабельманы – это была их прерогатива, говоря по-модному. Трудящиеся иудейского вероисповедания и весёлое, всегда всем довольное цыганское население Латвии, величали их «братья Доберманы». Это были профессионалы высокого класса. Играли – здорово! Действо происходило примерно так: они вытворяли красочное, зрелищное шоу, выставляли доселе не виданный, диковинный свет, каждые два часа переодевались в яркие нарядные костюмы. Играли дружные братушки на фирменном аппарате и инструментах. И это в те времена, когда весь Советский Союз шмурыгал по струнам гитар, соструганных из подоконников! К месту службы братьев привозили только на фирменном автобусе «Львов-Турист». Репертуар ансамбля не знал границ. Они играли всё, что шевелится – еврейскую музыку, цыганскую, фирму на английском, не брезговали русским и латышским языками. Но больше всего братья любили заливной язык или отварной говяжий язык под майонезом. Под водочку. Впоследствии команда в полном составе эмигрировала на историческую родину, то есть в Израиль. Мои товарищи, музыканты, работая на греческих круизных кораблях, при всяком заходе судна в еврейский порт Ашдод вызванивали братьев Доберманов. Встречались, вспоминали солнечную Латвию, жестокую большевистскую диктатуру, никчемную жизнь впроголодь да под всевидящим оком КГБ и, предварительно всплакнув в облаке водочно-чесночного аромата, садились выпивать за здоровье коммунистов. Да, дорогие ребята! Вспоминали наше мрачное прошлое, о котором вам, в вашем светлом будущем, остаётся только мечтать. Мы там уже были и уже ушли оттуда. Мы шагали на два шага вперёд. Вам нужно очень торопиться туда, где мы были. К сожалению, вас туда не пускает закордонное рабство – Ирлан-

дия, Англия и другие сильно развитые страны... А как можно идти в будущее без оглядки на прошлое?

...И работали эти братушки таким макаром до самого отбывания из родной Латвии. И никаких вам филармоний, гастролей и всей остальной ненужной чепухи. Им и без всего этого везде был почёт и уважение. В придачу к деньгам. Короче, сущий респект!

Изредка и простым людям перепадало кое-что из этого ряда еврейско-цыганских событий. И вот, наконец, впервые в творческой биографии ко мне подвалила удача. Отметиться, так сказать, на поприще цыганского торжества. В то время я был ещё молодой, но достаточно успешный и авторитетный в нашем городе директор Дома культуры. Кстати, единственный из всех городских директоров беспартийный.

Короче, нам предполагалось отмечать довольно грустное, скорее, даже скорбное торжество. Народ собрался отметить годовщину со дня смерти одного почтенного цыгана. Его потомки были люди серьёзные, богатые и деловые. Поминали в доме старшего сына. Дом как дом: два этажа, в гараже закрыт «Жигули» ВАЗ-2106, в сарае – огромный, породистый конь. Он там стоял, ржал и всё время бил копытами от скуки. Я думаю на то он и конь, чтобы ржать да ногами стучать. Хозяин дома – человек степенный и деликатный. Крупный чернобородый малый. На лице угрюмая суровость. Прямо скажем, обстоятельный человек. И всё у него есть: дом, деньги, пятеро детей, – короче, всё, что положено порядочному цыгану.

А насчёт поминок у них процветает интересная традиция: они провожают и поминают усопшего с красивой весёлой музыкой. Не с тоскливыми жмуровыми маршами, а с задорными польками. Ну и правильно делают! Ведь артистов провожают под аплодисменты! А чем цыган хуже? Чем он не артист?.. Музыканты играют, гости помаленьку выпивают и закусывают. Вспоминают усопшего, снятого со счетов жизни. Наверняка, поминаемый глядит сверху на такие весёлые переживания и радуется за оставшихся родных: вот, у них всё хорошо! Значит, помнят меня по-доброму!

Я перелистываю в свой горячей голове цыганские культурно-массовые мероприятия и вспоминаю... Ох, и доставалось же нам! До кровавых мозолей! Даже рекорд однажды зафиксировали! В самом деле – однажды на свадьбе «Карело-финскую» польку играли аж 21 минуту. Без остановки! А всё от того, что наши, латвийские цыгане считают это произведение своим козырным цыганским танцевальным хитом. Немеркнущее произведение, нетленочка, так сказать.

А как красиво пляшут! Сначала выходят мужики: гордые, преисполненные достоинства, довольные собой. За ними постепенно подтягиваются женщины. По традиции, дамы сидят за отдельным от мужчин столом. Затанцевали женщины, а там и молодёжь подтянулась – юноши и девушки комсомольского возраста. Так пляшут, аж коленки у пацанов дрожат! Чуть попозже уважительно приглашают совсем древних старушек. Те тоже с радостью шаркают больными, слабенькими ножками. И улыбаются.

Русский народ танец «Цыганочка» обычно изображает с криком, гвалтом и непременно в исключительно пьяном виде – задирая юбки выше головы, демонстрируя цвет трусов и усиленно катаясь по полу. Называется эта гнусная пляска «Подержи меня за жопу, я плечами потрясу!» Это абсолютно неправильно. У правдивых цыган танец происходит вовсе не так, а спокойно, с гордостью и достоинством.

Ладно. Собрались на поминки. Можно представить, какое волнение и смятение происходило в наших головах и нервах! Подходим к дому – а там крик, шум, все галдят одновременно и громко. Всё, думаем, дерутся смертным боем! Немного постояли под дверями – делать нечего, надо заходить! Зашли. Оказалось, ничего особенного, никто никого не бьёт: люди просто сидят и спокойно, мирно беседуют. Только разговаривают немножко громковато. И возле каждого мужика под носом стоит по 6, а может, по 8 открытых бутылок водки. Несколько штук ещё закрытых, а в других уже отлито и выпито где сто граммов, где больше.

Гости мужского пола сидят друг напротив друга с вытянутыми стаканами в руке. У ребят постарше указательные пальцы торчат, как пистолеты – как будто они в войну играют. А вот тут как раз всё наоборот! Ни пистолетов, ни каких-то автоматов они в жизни в руки не брали – для этого они себе указательные пальцы правой руки спецом молотками поотбивали, попереломали. Хрясть по пальцу – и калека! Годен к нестроевой! Пальчик не подходит к стрельбе из ружья или автомата, его никак не приладить к этому занятию! Вот он и торчит, как игрушечный пистолетик. Поэтому в Советскую армию шли служить парни не цыганского происхождения, а попроще, со всеми десятью живыми пальцами.

В общем, зашли мы в дом, поставили звук, немного испробовали. Выпили, занюхали, выиграли. Гости стали на нас поворачиваться, поглядывать. Чую, что-то задумали. Заявляется Володька, племянник поминаемого:

–А му, Женька, на хрена мне ваши джазы! Мы вам деньги платим! Играй какую нашу музыку, самостоятельную!

Заиграли самостоятельную – опять бегут, опять кричат: не то! Пришёл старший сын, стал вспоминать. Вспомнил: умерший батька трепетно любил песню «Ямщик, не гони лошадей». Ну что ж, лошадей, так лошадей! В отчаяньи стали вспоминать. Слава богу, два куплета вспомнили. Годится. Сперва два куплета, затем проигрыш, повторяем первый куплет – и концовочка. Готово, рванули! Гости дружно заплакали, затрясли из стороны в сторону головами и бородами, зачокались, застучали стаканами, слезы рукавами утирают. Значит, пробрало.

Ну что ж, батькину так батькину. Играем раз, второй, третий, пятый, двадцатый... Прошёл час, второй, третий – а мы всё батькину, да батькину. Бегом дёрнули водки, утёрлись – и снова:

– Батькину давай!

Другой батькин сынок сидит недалеко, весь в блаженном созерцании. Сам – полный рот золотых зубов. Наблюдаем спиной его телодвижения. Чуем – затевает какой-то подвох. Точно! Заявляется через пару часов – довольный, пасть закрыть не может. Видно, зубы золотые жмут. И выдаёт неожиданно:

– Мальцы, сайграйте песню «За ворота»!

–За какие ещё ворота?!

–А му, батька её тоже сильно любил!

–Антон, не дури башку, за какие-такие ворота он любил?! Ты хоть напой немножко, мотивчик нам напомним!

–Ты музыкант, ты и пой! Мы вам за это деньги платим! Слова там такие есть «За ворота, за ворота...». Пой, пока за ноги не подвесили!

Стали мы грустить: какие ещё, к чёрту, «За ворота»? На хера они нам сдались, эти ворота? Но играть надо, делать нечего. Думаем, гадаем, аж вспотели. Вот попробуйте, догадайтесь, что за песня? А мы угадали! Это песня «Одинокая гармонь»! – «То пойдёт за поля за ворота... трата-тата-тра-тата... опять. Словно ищет в потемках кого-то и не может никак отыскать...» Ну, и так далее...

Опять цыгане дружно зарыдали, затрясли головами. Старший сын рычит:

– Женька, ты директором работаешь? – И на меня пальцем тычет, гостям показывает, хвастается:

–Он директором работает! Сайграй «За ворота»!

Застучали стаканами, выпили. Теперь уже его брат золотозубый тычет прямым пальцем-пистолетиком:

– Батькину давай!

Прошло, как пишут в хреновых детективах, два дня. В беспощадной поминальной пьянке наших цыганских друзей, под зажигательные мелодии любимых батюкиных песен: «Ямщик, не гони лошадей» и «За ворота», она же «Одинокая гармонь».

Да-да! Только этих двух песен, в течение двух суток, причём, прошу заметить, без перерыва! Но помянули человека достойно, как надо, благодаря нашему трудолюбию и смекалке. Хозяева и гости остались очень довольны. На этом я прекращаю описание того удивительного праздника и всех свирепых проделок, которые были устроены за упокой души уважаемого и хорошо известного в Латвии цыгана.

P.S. Ровно через тридцать лет эта семья нашла меня снова. В очередной раз на поминальную тризну. И, конечно, как всегда, с музыкой. На этот раз поминали того самого золотозубого Антона. Царствие ему небесное – добрый и весёлый был человек.

ЕВРОПА. БЕРЛИН. Я.

Пришло весны очарование, я, как перелётная птица, встаю на крыло – и в путь! Лечу в Берлин! Весна и осень – не самые лучшие времена года для свершения хороших дел. У некоторых народов в этот период обостряется шизофрения. Это касается даже некоторой части европейцев. Немного досадно, конечно, но лететь надо. Кушать сильно хочется. Уже 17 лет балансирую между квёлой, малокровной Латвией и относительно цивилизованной, заевшейся Европой. Примерно по 7 или 8 месяцев в году. Я разворачиваюсь в Берлине, городе изысканной красоты и потрясающего человеческого тепла. Играю. Мимо идут люди – пёстрая гудящая толпа: молодые и пожилые, мужчины и женщины, а также разноцветные – белые, жёлтые и чёрные. Иногда проходят красивые женщины, но крайне редко. Закрадывается предположение, что всех красивых баб в Европе эти зловредные католики давным-давно позакидывали в костры, инквизиторы несчастные. Хотя они здесь ещё водятся! Немного, но осталось. Красивую женщину можно встретить, например, даже в Голландии, даже в самом Амстердаме! Правда, это будет вовсе не голландка.

Народа много, и разного. Кажется, вся Европа, Азия и Африка примчались сюда, собрались в одном месте – чтоб послушать меня. Немцы, какие-то темнокожие люди, нашенские, поволжские немцы-переселенцы из Казахстана, китайцы, частенько попадаются корейцы и прочие. Кстати говоря, я их различаю между собой, несмотря на схожую узкоглазость. А наших дорогих казахов и киргизов или, предположим, бурятов узнаю издалека. Машу рукой и здороваюсь. Не ошибся ни разу.

Какие в Берлине разные и интересные люди, если бы вы знали! А как радостно становится на душе, когда они отзываются на мою музыку! Публика – она везде одинаковая: и в больших залах, и на городских площадях. Вы спросите, чем отличается артист, играющий на концертных площадках от уличного? Ответ очень прост. На улице надо сыграть и задеть за душу так, чтобы прохожий просто не смог равнодушно пройти мимо, не остановиться, не насладиться – и только потом заплатил.

А в концертном зале – там, конечно, гораздо проще! Там сидит публика с билетами, стало быть, с оплатой всё нормально. Гарантировано. Так что – в этом вся разница? Нет. Главное – играть надо искренне и предельно правдиво. Никакой фальши и равнодушия! По поводу больших эстрад встречается ещё некоторое малюсенькое соображенье или, как бы это сказать поделикатнее... предположение.

Эти роскошные места заполняют представители изысканного общества, люди с положением, а также утончённые натуры. Одним словом – шерсть! Господа сидят в строгих одеждах, внимают исполнителю, соблюдают приличные усилия и хлопают в ладоши. На всякий случай. Чтобы не показаться глупым невеждой сидящему рядом соседу. С другой стороны, каждый имеет свой вкус, свои слабости и привязанности. Но стучать в ладоши надо – деньги заплачены! А исполнители бывают разные... И не всё солнышко, что встаёт...

Нельзя без содрогания представить себе концерты на стадионах, в присутствии многотысячного племени любителей современного и, мягко скажем, не очень похожего на музыку бреда типа сочинений Б.Гробовщикова. Эти церемонии зачем-то называют концертами рок-музыки. Хотя рок-музыки на русском языке не может существовать по определению. Потому что не может существовать никогда. Давайте назовём это как-то по-другому. Согласитесь, не может же быть негритянского Уральского народного хора... Здесь, в глубине толпы, состояние души несколько иное. Здесь доминирует, скорее, чувство принадлежности к представителям своего, родного стада. И публика совсем другая – дикоорущая, так сказать. Не будем им мешать колбаситься и плющиться под произведение под названием «Религиозный фокус» или восхищаться шедеврами поэтических текстов типа «Я иду по росе, я в ней ноги мочу...». Лично я не очень восхищаюсь агрессивной музыкой – как пел Владимир Семёнович, «Я не люблю манежи и арены – на них мильён меняют по рублю». Не трогает меня массовый психоз. Я – за разговор по душам, за интим.

Однажды по телевизору услышал разговор с Яном Маеровичем Арлазоровым. Вот где был артист-импровизатор! Он рассказывал про искусство. Он рассказывал, что настоящее искусство – это не многочасовые репетиции под управлением и дрессировкой режиссёра, а нечто другое. Он заострил внимание на другом! Вот выходит на улицу человек, стелет коврик или какую-то тряпочку прямо тут, на дороге – и начинается действие! Собирается публика. Она рыдает, хохочет, а он творит. Сочиняется сказка, творятся чудеса – прямо здесь, сейчас! Из головы, из души! Сам Арлазорович делал это потрясающе! В огромных залах, на радиопередачах, разыгрывал прохожих на улицах. Из ничего, из пустяков целый спектакль делал, а публика угорала со смеху! Однажды проходил мимо здесь, в Берлине – похоже, лечиться приезжал, бедняга. Улыбался, здоровался. Интеллигентный человек, большой артист! Жаль, покинул нас слишком рано.

И я творю точно так – раскрываю футляр, достаю инструмент и... Вы не думайте, что артисты на улице – это неудачники, недоучки или придурки какие-нибудь! Нет! Скорее, это наш протест против тупых хозяев ресторанов и ночных клубов, против вороватых мэров городов и чиновников от культуры. Против нищенской зарплаты в конвертах, против бедности актёров, цирковых и балетных людей. Пока у меня что-то получается здесь, на улице. Пожалуй, даже хорошо получается, хотя это далеко не просто.

Великий пианист и дирижёр Даниэль Баренбойм говорит:

– Музыка – не элитарная штука!

Это надо понимать: музыка – она для всех. От мусорщика, до академика. Так давайте ж сыграем, ребята! В концертных холлах, на стадионах и, конечно, на улицах.

А теперь самое время всем вместе въехать на одну из красивейших площадей Европы, где я много лет терзаю умы и страсти сентиментальных доверчивых берлинцев. Они подтягиваются после 7 часов вечера, многие здороваются и ведут со мной разговоры. На темы общечеловеческой любви и людской полезности. Смеются и восклицают.

Усаживаются на скамейки, на ступеньки величественного храма. Стоят парами. Молодняк сразу падает на пол, тут же валится прямо на камни. Они ползают, восторгаются, курят анашу, шумно хлопают в ладоши и громко кричат «Йесс!» после музыки, зацепившей их обдолбанные, горячие головы. Возглас подтверждается жестом руки сверху вниз. Раньше таким движением дёргали за цепочку сливного бачка в туалете.

–Йесс!!! – И дёрнули. И всё! И пошла вода, начала смывать...

Слушателей – сидельцев, стояльцев и лежащих под вышеназванными – много! 100, а может, всех 500 человек. Кто ж их считал! Все очень разные. Почтеннодряхлые бабушки, дедушки с внуками и колясками для внуков (а может, и для бабушек коляски эти предназначены...) Ходят собаки на поводке – они выводят гулять семейные пары. Или наоборот, бегут пары с собаками без поводка. Молодые люди сажают девушек на колени и целуются.

Насупленные лесбиянки, сосредоточившись, лезут друг другу за пазуху. Небритые бродяги с тощими, цыплячьими шеями, поросшими шерстью, алкоголики и прочие ценители прекрасного настроения. Короче, в этом смысле всё в порядке – есть для кого играть. Публика очень даже отзывчивая. Блистательная, я бы сказал, отменная публика! И тем удивительнее ощущение владеть их счастливыми, капризными душевными чувствами.

Я забираюсь в их растревоженные души, отвлекая тем самым от сложных жестоко-стей жизни, от хронических страстей. Продаю им свою душу и сердце за горсть медяков. Полупьяные, нанюхавшиеся кокаина шлюхи с пластмассовыми надутыми сиськами и бесцветно-голубыми глазами, продают всего-на-всего своё затасканное тело. А мы – душу! И я схожу с ума от восторга, взлетаю вверх, когда у меня что-то получается! Вдруг вижу, как мужчины в порыве нежности тискают руки своих возлюбленных. Ах!.. Как это меня заводит! А звук, какой звук! Волшебный! Площадь, тишина, настоящая, природная акустика... Саксофон стонет, рыдает, хохочет... Известный факт: в Европе любят скрипку, хотя под звуки скрипки случается радостно-спонтанный энурез. Под звуки саксофона совершаются мужские подвиги!

...Бежит! Бежит, сломя голову, через площадь человек в красных трусах и зелёной майке, машет мне рукой с оттопыренным большим пальцем. Это не сумасшедший или какой-нибудь дурачок скачет галопом, без штанов, по центру столицы. Это сам Олаф Мотке, чемпион всех чемпионов, боксёр всех боксёров, профессионал, многократный чемпион мира и вся Европы! Силач, оптимист и чрезвычайно скромный человек. Он делает вечернюю физзарядку. А я ему под пробежку, под ногу, так сказать, «Чаттануга–чучу» задвину – чтоб веселей, значит, бежалось! Или вот, тянется ещё одна облезлая, обшарпанная фигура. Огромный двухметровый рыжий пердак, немчура. Пьяница, сборщик пивных бутылок. В руках – два ящика для тары: один – уже полный пустых бутылок, другой – наполовину порожний. Он тягает их с собой по ряду причин. Сначала он покупает упакованный ящик, а по мере употребления освобождает бутылки от содержимого и складывает их на место, уже пустые. Таскать в руках торбу с пойлом или пластмассовый ящик с тем же питьём – для него особого значения не имеет. Ничего страшного, алкаш – парень крепкий. Зато не надо сто раз пустые бутылки из мешка в ящик, туда-сюда, переключивать, как делают его более хлипкие коллеги. Если копнуть этот вопрос поглубже, то и мебель, типа стула, таскать с собой не надо. Сядет чувак на ящик, подопрёт свою рыжую башку ручищей-лопатой и тащится, млеет под мою музыку. Хлебнёт пивка из горла – и сидит дальше, торчит от удовольствия, как лом в говне. Наслаждается! Так и носит везде с собой два ящика: один – с полными бутылками, другой – с уже выпитыми.

А я играю!.. А как играется! Тишина, площадь «несёт» звук! Шепчу, стону, у самого мурашки между лопаток шевелятся! Кавалеры (все, как один, молодые жеребцы) глядят дамам бёдра, целуют в ушки, шепчут нежные слова и что-то им обещают. Будьте осторожны, милые девушки, распахните глаза! Природа не терпит пустоты и торопливости! Мне очень нравится ваше нетерпеливое состояние души, ваша меланхолия. Всё это вместе располагает к беспечной радости или к большой любви, а скорее всего – к нарушению обмена веществ. И мне очень нравится играть для вас! И я очень стараюсь, испытывая при всём при этом необыкновенный эмоциональный восторг, блаженство и оптимизм. Это большая радость – владеть душами такого количества людей величественной площади города Берлина! Какая, к чёрту, большая эстрада! Вы заведите и доведите до оргазма 500 человек публики на плацу европейской столицы!

Конечно, кое – кто подумает:

– А что это он тут расхвастался, раскудахтался, понимаете ли? Да что же это такое, на самом деле, брехня какая-то! Что тут хорошего? Дудит себе, как дурак, целыми днями! Никакого оптимизма – только усталость да смятенье! Мука-мученическая, а не жизнь...

Нет! Я очень благодарен этой милой и доступной публике за её бесконечное доверие ко мне и душевное тепло! И она, эта дорогая моя публика, тоже очень даже ко мне неравнодушна. В домашнем альбоме я храню фотографии известных людей, с которыми встречался здесь, в Европе. А ещё – маленькие записочки. Народ их подбрасывает довольно часто. Причём, на разных языках, иногда даже на русском. Есть писульки с ошибками, похоже, что писали не немцы. Вот одна из них – любопытная, истонная бумаженция. В моём свободном переводе. Прошу и умоляю: не сочтите за выдумку или за нескромность! Писулька в самом деле была. Вот оно, милое посланьице:

–Ты просто бог! Твоя музыка – волшебная! Люблю! Жду! Звони!

И внизу крупно – номер мобильного. Но это ещё не всё! Письмецо было заколото канцелярской скрепкой. Внутри находился небольшой интимный предметик. Маленькая штучка. Любопытный элемент личной мужской гигиены. Чтобы, значит, детей не получилось по неосторожности. Презерватив, по-русски говоря. Но это было, по-моему, излишне. Хотя... Занесла записульку шикарная, несколько взбалмошная по виду особа, одетая в блестящее декольте, с причёской а-ля Нефертити. Она примчалась на огромном самокате, переделанном из современного дамского велосипеда. Отчего был устроен такой маскарад? А потому что в берлинском «Старом музее» открывалась очередная выставка всяких египетских штуквин, в числе которых там присутствовали, кажется, целых четыре варианта самой Нефертити, слепленных из глины. Самая главная из них уже давно жила в Берлинском музее. Она, к сожалению, одноглазая. И вот всю германскую столицу обвесили плакатами с изображением дефективной царицы и письменным приглашением забежать в музей, посетить, так сказать, это событие. Получается, моя поклонница нагляделась на картинки и сама нарядилась в безглазую красавицу. Загримировалась и разруливает себе на самокате по всей Германии, ищет приключений на свою лохматую голову. Сунула она мне, значит, свою бумаженцию, отряхнулась, засмеялась и дальше покатила, отталкиваясь одной левой, задней ногой.

На этой самой площади, в самом центре Берлина вечерами громко поют соловьи, а под крышей 5-звёздочного отеля живёт сова и тоже себе, громко гукает. В общем, что касается разных вечерних компаний, то у нас всё сложилось довольно удачно – саксофон, соловьи, сова...

ЛАБУШСКАЯ БАЙКА ОТ СКРИПАЧА АНДРЮШКИ ДРУШЛЯКОВА ПО КЛИЧКЕ АНДРЕЙ УР.

Скрипач Андрей за 15 лет жизни в Берлине сменил квартир десять, наверное. Я тоже одно время у него проживал в районе Веддинга. Жильё – жалкая картина бренности. Убожество столичное. Старый, догитлеровский дом с деревянными ступеньками, холодная уборная. Этот грубый, вонючий верзошник был обустроен на лестничной площадке, и был он всего один на целых 4 этажа опорожняющихся. Приходилось, зачастую, сучить ногами под дверями заведения, находясь в неопишемом нетерпении. В самой халупе всегда темно, холодно и сыро. Солнца у нас не бывало. Оно не заглядывало в наши огромные окна-ворота, которые выходили во двор-колодец. Оно обходило эти окна, на всякий случай, стороной. Стенки – каземат. Толстые и промёрзшие. Короче, «Матросская тишина», а не квартира. Неважные условия жизни. Зимой мы волокли из подвала уголь в эти хреновы боярские чертоги. А это, как ни крути, 3-й довоенный этаж, что соответствует примерно 5-му этажу, если перевести на нашу, хрущёвскую высоту. Жгли камин, но теплее не становилось, поэтому укрывались поверх одеяла разным тряпьем, включая предназначенные в стирку штаны, носки и рубашки, а также тряпочные и брезентовые чехлы для инструментов. Помогало плохо, потому особо мёрзнувшие товарищи пили напропалую. Но жили дружно и весело, несмотря на хроническое безденежье квартирантов, имеющих девизом своих далеко не царских условий жизни бодрый лозунг: «Жизнь прекрасна и удивительна, если выпить предварительно»! Хороший человек – Андрюха: добрый, весёлый, – одним словом, романтик.

Романтики – это такие люди, у которых любовь случается чаще, чем секс. А секс мой друг предпочитал безопасный, не приводящий к женитьбе.

В юности он был Андрюшей Друшляковым. Что означает на музыкантском сленге слово «друшлять», знает любой лабух – от Народного артиста СССР до артиста «жмурового» оркестра. Поэтому он взял фамилию покойного деда-венгра – Ур! Всего две буквы – Ур! Что это значит? Ничего. Коротко и ясно: Андрей Ур! И вот живёт себе, живёт как-то Андрюха в районе Пренцлауер Берг, на 5-м этаже. Музыканты любят жить на высоких этажах. Все без исключения, без разбору, и на всём белом свете. По крайней мере, мои знакомые ребята – все высоко забрались. К примеру, Сарога в Даугавпилсе – на 5-м, Гаврилов в Киеве – на 4-м, Яцек в Варшаве – на 7м, Валера в Риге – на 5м. Вспомните своих знакомых лабухов – ведь в самом деле? Что за привязанность такая?!

Короче, живёт себе Андрюха в приподнятом настроении, и не один. Квартируют у него земляки-украинцы. Двое. Одного из них звали Косой с косой – вокалист, пел красиво. Пил ещё лучше. Кликуху эту ему назначили за длинные волосы, которые певун завязывал сзади длинной бабской косичкой, с ленточкой на затылке. В придачу артист вокального жанра плохо видел и имел косоглазие, а потому носил огромные очки-велосипеды, крот несчастный. Вот он и получился – «Косой с косой».

А второй имел погоняло «Мересьев». За то, что когда напивался допьяна, у него отказывали ноги. Напрочь! По нужде (то есть в уборную) в дальнейшем он доставлял своё туловище ползком. А ползал довольно часто. От того, что пил много. По возвращении на родину с ним случилась интересная штука – уже в Украине парня угораздило по кире упасть с балкона и взаправду сломать обе ноги. Вот уж повезло, так повезло человеку! Оправдал псевдоним: Мересьев, так Мересьев!.. И полетел с балкона!

Для тех, кто в детстве не читал книг, поясню: Алексей Мересьев – лётчик-герой, сбитый фашистами в неравном воздушном бою. Раненый, с перебитыми ногами, он много дней полз по лесу. Его подобрала юные пионеры и доставили, куда следует. Мужественный человек выжил и без ног, на протезах продолжал летать и бить немецких асов в хвост и в гриву.

Конечно, нехорошо с балконов летать и ноги ломать. Наверное, хромым остался или без одной ноги (или с одной ногой – не знаю, как сказать правильно). После приземления его никто не видел – интересно, как он сейчас выглядит? Но живут же люди без рук, без ног – и ничего. У нас в Пензе, где я в музыкальном училище учился, Санька Морозов, трубач, очень сильно хроamal. Еле шкандыбал, кулявый. Зато как ловко в баскетбол играл! Даже за сборную училища! И на трубе тоже неплохо умел. После окончания курса обучения, уже дипломированный, таскал на кладбище жмуrow. Тогда всех хоронили с музыкой – православных, мусульман, цыган и все другие народы Советского Союза. Не везли, как сейчас, втихаря, по шумным улицам на чёрном «Мерседесе» с занавесками. Тогда было красиво! Оркестр из шести персон идёт... Грустно, медленно... А он, Санька-трубач – култы-култы... Аж загребал, бедный, левым боком! На 4 сантиметра ножка была короче. На колеснице везут жмура, сзади ползёт траурная процессия, народ плачет, скорбит. Вдруг глянут на Саньку хромого – вроде как немного отпускает. И не так грустно, даже вроде бы на оптимизм пробивает! Короче, он своей бодрой походкой выравнивал настроение провожатых.

Там же, в Пензе, в гостинице «Россия» работал другой трубач. Его звали Толик. Фамилию его не знали, я думаю, даже в Уголовном розыске. Весь город знал только его имя и кликуху. Взрослый дядька, джазмен, у него совсем не было левой руки. Кто-то ему до самого плеча ручонку оторвал. И ничего! Держал трубу одной правой и вваливал, как надо быть, не каждый двурукий мог так дудеть! А кликуха к нему забавная приклеилась – «Толик-семикрылый»! Ну не балагуры они после таких прозвищ, эти музыканты! Не остряки, не озорники? У мужика всего-навсего одна клешня, а они его – Семикрылый да Семикрылый... Сердобольные...

Что-то я всё о хромах да безруких... Ну так, значит, жили они все эти трое – Андрей Ур, Косой с косой и Мересьев – очень даже нескучно. Совсем наоборот. Жили они весело, очень весело. Бухали от всего сердца день-деньской! Пьяницы – золотые руки! Не было у них никакой алкогольной зависимости – у них была алкогольная привязанность. У них даже джинсы и ботинки провоняли водкой! Ежедневно отдавали должное алкогольным напиткам. Все! Кроме скрипача Андрюхи.

Пацаны ставили подле своих коек по бутылке вина – это чтобы, значит, ночью жажду утолять. Андрей спал один, без пузыря. Он, наоборот – вместо винища возле себя чаще девчонку какую-никакую в койку укладывал. Соседей вопросы любви и секса не тревожили, их волновал совсем другой лозунг: ни дня без пойки! Вот что их интересовало! Проснётся, к примеру, Мересьев, приложится, забулькает – тут же Косой с косой просыпается, тоже начинает лакать из горла. К утру оба в хлам пьяные. Много раз они клялись и божились, что забросят это чудное занятие. Ага! Щас! Зарэкалася свиня гивна нэ исты! Так и жили. Вы думаете, у них были проблемы с алкоголем? Почему? У них была сплошная радость! Пили до изнеможения, порой по утрам не могли даже вспомнить некоторых эпизодов и фактов. Хотя... – что это за пьянка, если на следующее утро не стыдно?

Рано-рано к квартирантам спешил третий компаньон, аккордеонист. Приносил пиво, стягивал пьяных артистов с ложа, пинал их ногами, размазывал по полу. А бодун им мозги рвёт! А насильно трезв не будешь! Друг, тем временем, опохмелял друзей, вливал в их пасти пиво, затыкал колбасой, заворачивал с собой похуй суёк (виноват, сухой паёк) и тащил полуживых на работу. За эту похмельную процедуру пришельца называли «Доктор Живаго». В этой насквозь пропитой хижине Доктор Живаго очень осторожно проявлял чудеса доброты и гуманизма! Как говорится, сделал добро – отвали подальше, на безопасное расстояние...

Впрочем, мало ли что у них там бывало в этой лачуге. В основном, всё шло хорошо. Только с Андреем случилась однажды слегка нелепая история. Скрипач возвращался с халтуры. Поздно, часов в 12 ночи. Чуть-чуть пьяненький, но довольный. Похлопал по карманам – нет ключей: видно, забыл дома. Звонит в звонок – не работает. Что делать? Кричать – поздно, смеяться – глупо, резать вены – рано. В конце концов, делу время, потехе ночь. Ночевать на улице – холодно, осень на дворе. Заволновался мастер смычка и канифоли, стал сильно думать. Напротив его окон находился под ремонтом другой дом. Двор – колодец: стенки близко, окна домов друг напротив друга. Полез, поспешил Андрей в соседний дом. Рискнул. Оказалось, не заперто. Ура! Полез по ступенькам выше. Окно напротив его законного жилища не заперто. Очень интересно! Надо действовать! Нашёл длинную доску, высунул в окошко, дотянулся до своего окна и тихонько – тук-тук-тук...

Косой с косой очнулся, полуживой. И угораздило его в этот момент, по пьяному делу, свои родные очки растоптать! Бедняга полуслепой, без очков, кирной, со света в ночь ни хрена не видит. Топчется на месте, в хате кавардак, спотыкается, ищет злосчастное окно... Нашёл. Свесился с 3-го этажа, кричит, незрячий, вниз, в темноту:

–Кто там?

Ну, а что тут такого – спрашивает человек сверху вниз, с 3 на 1 этаж:

–Кто там?... – А ему, между прочим, стучат в окно. И там было высоко, до окна не дотянуться – как-никак, 3-й этаж все же.

Скрипач откликается тихонько, шёпотом – ночь же на дворе, народ спит:

–Это я, Андрей...

Косой опять своё, кричит вниз, башку свесив:

–Кто там?

–Это я, Андрей.

Не узрел никого, слепой квартирант. Хлопнул винца и залёг в койку. Андрюшка опять за доску, тянет, стучит:

–Кто там? – заладил своё Косой.

–Это я, Андрей! Открой пёс, домой хочу, спать! – уже кричит Андрюшка.

В конце концов, допёр, певун полупьяный, что голос из дома напротив раздаётся. Сильно испугался, чуть выкидыш с ним не случился. Скажите, люди добрые, как можно стучать в окно квартиры на 3-м этаже!? Скрипач вошёл, хотел ему в морду дать от радости, но не успел. Очень хотел в туалет. А после, придя из уборной, уже не стал этого делать.

И какой же вывод сделаем мы, припомнив этот сокрушительный ночной переполох и мытарства бедного, немного выпившего и уставшего скрипача, имевший место быть в берлинском микрорайоне Пренцлауэр-Берг?

Пить-то вы пейте, чуваки, хоть каждый день! Можно много раз в день повторять это энергичное занятие. Пейте до работы, после работы, даже во время работы. Но не вместо работы! А мозги, ключи и очки терять не надо. Будьте бережливы!

ДОПОЛНЕНИЕ. ЖМУР.

Я тут вспомнил хромого Саньку Морозова, жмуровых дел мастера. Он так говорил:

– Мёртвый человек – это живые деньги!

И он был абсолютно прав, когда речь шла о людях, ушедших в мир иной. Тогда у оставшихся провожающих портилось настроение. И они испытывали горе от потери дорогих людей, поэтому не жалели денег, отдавая последние почести.... Похоронные музыкальные коллективы пользовались большой симпатией у оставшихся в живых! Работы было много! По три-четыре выхода в день. Из этого заметим следующее: денежку ребята имели. Дисциплина в команде – строгая. Ребята – лихие, бывалые. И весёлые! Даже, скажу вам, удивительно: как у них не портились характер и пищеварение от этих скорбных картин и беготни по кладбищам?! И в снег, и в зной годами шлялись между надгробий с дудками в руках.

Военные музыканты культивировали такую фишку: самый молодой оркестрант должен был подойти к ящику и поцеловать усопшего в губы. Иначе денег не дадут.

Конечно, разные грустные речи говорили на траурных митингах! Бывало, на траурной церемонии провожающие и ляпнут что-нибудь весёленькое, типа:

– Спи спокойно, дорогой товарищ! Ты это заслужил...

Или родные и близкие захлопают в ладошки, переживая с горя водки. Нет, не сразу, а после слов распорядителя:

– Траурный митинг считаю открытым, – и бурные аплодисменты в ответ!

Рассказывают, одна старушка всё ходила и канючила:

– Уж вы сыграйте, ребята, постарайтесь от всего сердца....

– Не переживай, бабка! Так сыграем – покойник не нарадуется!.. Послушай, бабуля, а усопший нам ничего не передавал – ну, там, денежки и немножко водочки с закуской?..

ЕВРОПА. МЫ. ОНИ.

В Берлине на улицах – очень даже нескучно. Есть где порезвиться, есть где отвести душу, есть чему изумиться. Люди вокруг разные, интересные, весёлые. Глаза смеются, все говорят громко, на разный лад. Кричат, свистят, руками машут, орут в дурацкие мобильники. Ездят на самокатах, едят на ходу китайскую лапшу, вытирают пальцы об голову, об волосы. Один трюкач недавно на велике ехал. Без рук. Нет, руки у него были, но они были заняты: в одной – тарелка с супом, во второй – пластмассовая ложка. Мчится, довольный, черпает похлёбку ложкой, на ходу сёрбает, чавкает, лакает. И мы тут же, где-то рядом, со своей нежной музыкой. Без нас разных диковин и штуковин хватает! На каждом углу, на каждой площади.

Вот, например, очень модный, известный в Германии актёр. В цилиндре и фраке. Он читает отрывки из немецкой классики – Шиллер, Гёте и всё такое. Читает грандиозно!

Или, к примеру, такой невероятный жанр искусства: хаотично стоят разнообразные статуи, размалёванные серебряной краской от ушей до пяток. Тщедушные и грузные, весьма

сомнительного вида. Вот они красавцы: смерть с косой и вставными железными зубами, Спартак без трусов, Гераклы там всякие, огромный медведь, символ Берлина, в толстом, лохматом плюшевом комбинезоне бурого медвежьего цвета. Грязный, потный и вонючий. В руках у медведика – красно-белый флаг Берлина. Он машет им из стороны в сторону, норовит зацепить по башке какую-нибудь потерявшуюся туристку. Разные шуты, какие-то полоумные ангелы, черти, бабочка из Белоруссии с огромными, двухметровыми марлевыми крыльями. Еле ползает – куда уж ей по небу летать, такой неуклюжей! Дискоболы, девушки с веслом и прочие скуёженные, отчаянные, полураздетые личности.

Статуи замерли... Ждут... Чу! В их коробочку звонко падает монетка! Памятники, неожиданно, оживают и начинают двигаться. Они шаволятся, кривляются, выкаблучивают всякие пассы и движения. От этих проделок делается немного смешно, но ненадолго. Фигуры снова замерли, застыли, как вкопанные, одни только глаза из стороны в сторону – зырк, зырк... Опять стоят молчком, до прихода следующего гонорара, так сказать.

Два носатых мышеглазых парня нацепили на себя военную форму. Один из них – как будто американец, другой – наш, родной, советский! Тормознутые зеваки-туристы в восторге фотографируют эти необъяснимо глупые фигуры. Воины вручают им листки бумаги, на которых написано слово «Пропуск» по-немецки. Дескать, проходите в Западный Берлин! Для пущей важности на клочок бумажки шлёпают печать и в придачу дарят камушек – маленький и грязный. Это будет считаться «исторической реликвией» из разобранной Берлинской стены. Слава богу, вокруг валяется достаточно грязных камней – на всех хватит! За эту нахальную процедуру, вызывающую изумление и жалость, ряженые часовые Родины своей собирают по 1 евро с головы. Чудовищная дурь!

Исключительной глупостью и неприязнательностью отличается другой туристический аттракцион. На пьедестал ставят манекен в солдатской робе – солдатика с ружьём в руках и чёрной повязкой на глазу. Это – меткий стрелок! Сейчас он ранен. И не куда-нибудь, а в самый что ни на есть глаз. В яблочко. И у него на голове остался последний живой глаз. В таком одноглазом виде он должен защищать свою Отчизну! Он – герой, нынешний Вильгельм Телль! Артист, вернее, дрессировщик манекена, сидит рядом на скамейке и курит папиросы. За попытку увековечить себя с этой куклой прохожие платят тоже 1 евро. С каждой персоны. Поголовно, так сказать. Сам, жена, дочь – итог: 3 евро в коробочку. Кукольнику остаётся только сидеть рядом с кормильцем-манекеном, курить, плевать на дорогу и говорить на корявом немецком:

–Danke schon! – То есть «спасибо» по-нашему.

Ну ведь интересно, правда? «На столе стоит статуя, у статуи нету ...глаз!» Иногда приезжают бравые немецкие менты, рычат на этих несчастных куководов и заставляют привести в порядок окрестный тротуар. Бедняги, упавши на колени, ползают по дороге, бурчат, но подтирают харчки и собирают бычки.

...Англичанка с простым русским именем Наташа, одетая в рубище, в лохмотья, замерла на площади. Печальная, нечёсаная, окрашенная в ярко-рыжий цвет. Сиськастая и жопастая. Груды примерно 8 размера – большущие, как две мужицких головы. Ходит, разбрасывается из стороны в сторону своими буферами. Это ж надо, сколько добра с собой таскать приходится! Громко, меланхолично, хорошо поставленным голосом (видать консерваторка), сердито поглядывая по сторонам, поёт какие-то унылые, возвышенные английские псалмы. И простирает руки к небу. Жуть!

Её единопознанный коллега, американец Рональд – тот восторженно-весёлый малый, примерно 120-130 кг весом. В наполеоновской треуголке, гольфах и красных башмаках с пушистыми помпонами. Он поёт высоченным тенором нежные арии из немецких и итальянских опер, при этом ловко подпрыгивая на месте. Выглядит исключительно забавно. Огромный, восьмипудовый всклокоченный и сытый дядька, этакий боров с лохматыми бровями,

поёт тоненьким голоском весёленькие песенки. Ну, к примеру, изображая моцартовского Фигаро! Тут же высоко подскакивает и семенит большущими ножками в детских чулочках. Короче, молодчага, янки! Завернул этот чувак к нам на неметчину аж из самого Чикаго!

Или другой человек – цирковой, акробат Мухаммед из Марокко. До сей славной поры работал в цирках на всех земных полушариях. Строил пирамиды. Цирковая пирамида – это такое сооружение из людей, где народ стоит друг у друга на шее и радостно разводит руки в сторону. И все, как один, улыбаются. Когда стоять торчком им надоедает, каждый скидывает предыдущего с этого, так сказать, плечевого пьедестала, кувыркается и, довольный, с надетой на уста застывшей гримасой (пардон, кривой улыбкой) убегает за кулисы. В кассу. Членов этой пирамидальной фигуры много, голов 8 будет, и денег на всех не хватает. По этой причине Мухаммедка, накувыркавшись во всех уголках нашей жизнерадостной планеты, решил бросить это многолюдное занятие. Теперь он скачет на улицах и площадях Германии один, без пирамиды, как говорится, сам... В городе Берлине. Сердечный, обаятельный и весёлый парень. Потрясающий, в высшей степени профессиональный номер. Исполняется – на ура! Чудо! Только брызги летят! Стучит в марокканские барабаны, меняет разноцветные костюмы, прыгает, делает всякие сальто-мортале! Смеётся, дурачится, стоит, вернее, полужимит на одной руке, крутится колесом. Публика, довольная, смеётся, радуется, рукоплещет и поднимает вверх большой палец! Хотя выделяться на голом асфальте – штука опасная. Это вам не на цирковом манеже, усыпанном опилками, крутиться! Тут, на камнях берлинских, надо очень беречь организм! А вдруг упадёшь на эти самые камушки, а?..

Говорит Мухаммед, или, как мы его называем, Мишка, на всех европейских языках. Понимает и забавно чирикает на русском. А как красиво матерится, сукин сын:

–Боп таю мат! Дэнег нима – ды ты нах!

Славян, братьев наших меньших, а точнее, поляков – тьма! Яцек, Лешек, Збышек, Юрек, Томек. Хотите ещё? Пожалуйста: Казик, Дарек, Кшисек, Мартин. В эту компанию ненароком затесались японец Акиро, прекрасный контрабасист, а также чернокожий барабанщик, американец Ленжерс, всем в жизни довольный, вечносмеющийся и с кривыми, как у бультерьера, зубами. Все вышеперечисленные – конечно, мастера своего музыкантского дела. Все без исключения вылетели на улицу с большой эстрады. Спасибо вам большое, дорогой Михаил Сергеевич, как говорят с благоговейной дрожью в голосе Андрюша Макаревич и сытый, довольный жизнью Анастас Микоян по прозвищу Стас Намин. Они так говорят бывшему Генеральному секретарю КПСС, когда приглашают его на юбилейные концерты своих вокально-инструментальных ансамблей. Или ВИА по-другому. В благодарность за всё ненаглядного реформатора сажают в самую дальнюю ложку, подальше от людских глаз, под охрану десятка невидимых снайперов и автоматчиков с «калашами» за пазухой. Чтобы его ненароком не увидели приличные люди.

Болгарин Стефан, по-нашему Стёпка, приехал из Варны. Красивый, могучий мужик 50-ти лет. Кудрявая голова, борода – как у лешего. Сильно смахивает на Карла Маркса в молодые годы. Играет, усталая его душа, на интересном инструменте. Он называется просто – гадулка. Полумандолина, полускрипка, которую лабух ставит на колено и ширкает по струнам смычком. Играет блаженно-благородные мелодии и всякие другие импровизации, болгарско-турецкие наигрыши. Музыка очень красивая и необычная, славянско-восточного лада. Завораживает и терзает души трогательными, заунывными звуками. Публика слушает, замерев, с широко раскрытыми глазами. Стоят, не шелохнутся, как под гипнозом. Просто шаманство какое-то, а не музыка. Камлает Стефан, а не играет. Колдует, понимаешь, чародей болгарский.

А случилось с ним вот чего! Давным-давно, при Коммуне, его позвали на гастроли гэдээровские рок-н-рольщики. Те налегают на гитарный рок, а Стёпка тут же засаживает на гадулке свои колдовские, потусторонние соляги! Народ стонал от восторга! Я эту разнуздан-

ную фантастику слышал на СД, их у Стефана 5 штук записано, и все разные. От болгарских деревенских частушек до тяжёлого хардика – хард-рока. Вскоре Коммуну с восторгом прикончили. Под трескучий фейерверк и радостные вопли ошастливленных обывателей ломали, казалось бы, нерушимые берлинские стенки. Зажили по-новому. Кончился треск, шум и блеск – людям стало всё это безразлично. Интересную музыку успешно похерили, рок-н-рольные концерты скоростижно загнулись. Артисты расползлись кто куда. Стёпка в полном огорчении сидит и смыкает на улице. Один. Без ансамбля. Без рок-группы.

И вот тут обратим внимание на ещё одного подозрительного типа – на кривых ножках и малость горбатенького. Он катает по всему городу скрипучую коляску, вернее, тачку с огромным усилителем, доверху заваленную СД на продажу. Это орудует француз Сасо. Он прибыл к нам из самого Парижу! Он дудит на своей золотой флейте запутанную музыку: то ли джаз, то ли мелодии из кино – что-то невнятное, невразумительное. А недавно с ним произошёл конфуз! Додумался: выполз на площадь с усилителем и огромной 12-струнной гитарой или ещё с чем-то. Не знаю даже, как эта балалайка называется, но большущая. И вот он зажал инструмент между ног, как виолончель, и давай наяривать! Аж окна в близлежащих церквях задребезжали. Самым чудовищным образом ухитрился отстенать, отколбасить минут 20, злодей! Народ, до этого мирно отдыхавший, постепенно полез на стены. Началась суматоха! Однако скоро примчались бодрые, всегда готовые менты. С претензией. Дескать, не к месту Вы здесь, товарищ француз. Сделали ему замечание: дескать, загребли в ботву, мсье, и посоветовали убираться к едрени фени. Со всеми бебихами-телегами, СД-дисками и балалайками. Пока ветер без сучков. Хватит из местных людей душу вытряхивать!

А то, бывает, на мосту, на рыбном месте, на жирной туристической тропе, усядется вечно пьяный ирландец. Грязный, лохматый, пахнущий, простите, мочой и пивом. Не мыт, наверное, с самого рождения, волосы сбились в колтун, майка без рукавов (обыкновенная, которую под сорочку одевают) – цвета грязи с молоком. Сандалии на грязную босую ногу, штаны чуть ниже колен. Шерсть на щеках и на кадыке. И вот, значит, сидит эта импозантная фигура с папиросиной в зубах и бренчит, еле языком ворочает. Царапает захудалый игруля на такой же грязной, как и сам, мандолине. Половины струн уже нет, на остальных оставшихся он изображает, мягко выражаясь, ирландскую музыку. Это катастрофа! Глумится мандолинщик над публикой часов шесть кряду, только успевает своё творчество пивом запивать! Что может быть красивее ирландской музыки? Ну, естественно – только ирландский степ, коллективный топот то есть! Стадом голов, пардон, человек в 30 примерно. Народ останавливается из любопытства, по неопытности. Наслушается, наудивляется...

А пуще всех свирепствуют латиносы. Коренные народы Перу, Чили и других дружественных стран, которых ещё не успели сжить со свету вечно нуждающиеся в деньгах испанцы. Мы называем этих пацанов «виннету», или «пиночеты». Они очень хорошие, приветливые, симпатичные и добрые, эти апачи. Но играют громко. Ставят мощный аппарат, врубают портативную электростанцию (небольшенькую, примерно как пылесос), наливают в неё бензин, та стрекочет потихоньку и выдаёт им 220 вольт току. Тогда индейцы одевают на головы свои пёрья, разноцветные роскошные хламиды-пончо, закуривают трубки мира – и пошла потеха! Красиво! Но громко. Смятенье на весь Берлин. Весёлый народ – вожди краснокожих! А мы скоренько сворачиваем свои дудки и идём, как говорит поляк Томек, «шукать в гувне смаку», или, по-русски говоря, другую концертную площадку, дабы умножить содержимое своего ненасытного футляра. Вначале пути по освоению улично-музыкального искусства бродяги играли, пели и плясали на каждом берлинском углу. Всем было интересно и диковинно. Нам – сам процесс исполнения на прохожей части, публике – наши славянские пьяные рожи и довольно приятного уровня музыка. Затем уличная шумиха стала, отчасти, коробить граждан. Со временем пешеходы стали разбираться, ху из ху, и лафа пошла на убыль. А раньше гонорар, то есть бабки, не делили – горстями раскладывали по

карманам! Не считая! Матушка-Европа, поначалу удивлявшаяся явлению из-за «железного занавеса», теперь перестала оглядываться на приезжую экзотику и жалеть бедных, затюканных коммунистами артистов с опухшими от пьянства физиономиями. Отчасти Европа остыла. Наше дело постепенно наладилось, как говорится, устаканилось. Касаемо всяких, там, тупиц с гармошками, косноязычных певунов и разных безногих калек, пляшущих с костылями под мышками – они бесследно исчезли с музыкально-развлекательной орбиты нашей ласковой и беспокойной планеты. Нынче совсем другая картина под берлинскими липами и платанами.

БАЙКА. ОТ МЕНЯ. ЭКЗОТИКА ИЗ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ.

В 2000-м я малость приболел. Сильно болели ноги и спина. Радик! Радикулит-люмбаго, проще говоря, скрутил! Ходить не мог, стоять, лежать – тоже. А как одеться-обуться? Просто беда. А на носу Рождество, в Берлин надо мчаться! Наобещал хозяину Вайннахтс-маркта (рождественского базара) что приеду, поиграю. Помощница Ульяна пошла в отказ – не поеду, и всё! Нашла работу в дурацком магазине – продавала пальто и шубы. За похлёбку на чужих людей батрачила. А я, получается, хромой-кривой, должен ехать в Германию, упираться на холоде, деньги зарабатывать! Надо сказать, я сильно загрустил, задумался. Но ненадолго. Дал объяву в газету: так, мол, и так. Хотите заработать? Нужны дармовые деньги? Любите халяву? Звоните! Ищу няньку! Для поездки в Европу!

Отзывается одна особа. Простая деревенская девушка лет 22-х. Жидкие белокурые волосы, нос картошкой. Руки-ноги довольно чистые. Совершенно развращенное мировоззрение и низкий интеллектоанальный уровень. Особой красотой или, скажем, умом не отличается. Короче, блать-золотые руки. И что интересно – так это грудь примерно 3-го размера. Упругая и розовая! Две красивые титьки – и обе торчком...

Да... Приходится сознаться: я не зарабатываю шальных, сумасшедших денег! Но на жизнь и на няньку вполне достаточно. И девчонке какая-никакая копеечка упадёт, месяц в столице проживёт, а не на хуторе своём занюханном. Подкормится, поглядит вокруг, мороженого покушает. Приедет обратно – купит себе бельё повышенного спроса, денежка при ней будет, сводит кавалера своего в деревенское кафе, угостит портвейном... Готово дело! Поехали!

Нагрязнули в Берлин, живём, работаем. Рождество, дело ясное, происходит зимой. От этого на улицах холодно, птицы не поют. Нянька одевает меня в сорок одёжек (это против холода), шнурует шнурки на тёплых ботах, моет меня в ванне, спину трёт и всё такое. Иногда вывожу девку в Центр. Я играю, она гуляет. Ходит, разинув рот, озирается на рождественские диковины, дышит, понимаешь, прохладой. Пару раз отправлял милую «Арину Родионовну» в гости, к Саше Белых. В должности девушки по вызову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.